
УКРЕПЛЕНИЕ АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

Борьба советской дипломатии за открытие второго фронта

Внешняя политика СССР в конце 1942 — начале 1943 г. по-прежнему во многом определялась военной обстановкой. На Советском Союзе лежало основное бремя вооруженной борьбы с Германией, и он нес огромные потери, в то время как его западные союзники избегали лобового столкновения с вермахтом. Естественно, что важнейшей задачей советской дипломатии оставалось ускорение открытия второго фронта.

Высадка союзников в Северной Африке 8 ноября 1942 г. (операция «Факел») не облегчила положения на советско-германском фронте. Военное командование США в своих внутренних оценках называло ее чем-то вроде «булавочного укола», который «будет лишь распылять силы союзников, откладывая большое вторжение на Европейский континент, и в то же время не окажет реальной помощи Советскому Союзу». Отмечалось, что даже в случае успеха эта операция, «вероятно, не приведет к переброске с русского фронта ни единого немецкого солдата, танка или самолета»¹. У. Черчилль в своем кругу тоже признавал, что эта операция никак не может заменить обещанного второго фронта: «Факел» — это только 13 дивизий, тогда как мы готовились двинуть против врага в 1943 году 48 дивизий... — писал он руководству британского генштаба 18 ноября 1942 г. — Мы дали понять Сталину, что в 1943 году будет большое вторжение на континент, а теперь планируем использовать на 35 дивизий меньше, чем предполагали в апреле — июле, или немногим больше одной четверти. Нет смысла закрывать на это глаза или воображать, что эта разница не будет замечена»².

В Советском Союзе, разумеется, хорошо видели эту разницу, тем более что «Факел» не только не оказывал немедленной помощи Красной армии, но и создавал для нее дополнительные проблемы. Для обеспечения нужд этой операции сокращались поставки в СССР по ленд-лизу. В июле 1942 г. союзники приняли решение отменить 18-й северный конвой из-за больших потерь, понесенных предыдущим конвоем PQ-17. Со следующего, 19-го каравана в сентябре 1942 г. без предупреждения советской стороны была снята крупная партия истребителей «Аэрокобра», срочно затребованных американским командованием для нужд «Факела». Это вызвало естественное возмущение советского правительства, так как истребители были крайне необходимы под Сталинградом, где шли ожесточенные сражения. 20 сентября в телеграмме советскому послу в Лондоне И. В. Сталин писал: «Поведение англичан в вопросе об «Аэрокобрах» я считаю верхом наглости. Англичане не имели никакого права переадресовывать наш груз на свой счет без нашего согласия. Ссылка англичан на то,

что переадресовка произошла по распоряжению Америки, является иезуитством. Нетрудно понять, что Америка действовала по просьбе англичан»³.

У. Черчилль задним числом объяснил И. В. Сталину происхождение этого решения, но тот, судя по всему, так и не поверил в непричастность к нему англичан. Более того, в начале октября 1942 г., когда развернулись решающие бои под Сталинградом, У. Черчилль сообщил И. В. Сталину о приостановке отправки дальнейших северных конвоев до января следующего года, оправдывая это большими потерями от немецкого флота и авиации.

Дополнительным поводом для обострения советско-британских отношений стала позиция Лондона в вопросе о наказании военных преступников, заявленная Форин-офисом 7 октября после консультаций с США и другими западными союзниками, но безо всякого согласования с Москвой. В ответном заявлении от 14 октября советское правительство потребовало немедленной организации суда над военными преступниками, оказавшимися на территории Объединенных Наций⁴. Первым из них был назван Рудольф Гесс, находившийся в Великобритании после своего перелета туда в мае 1941 г. В Москве давно подозревали, что миссия Р. Гесса была попыткой сговора А. Гитлера с англичанами за спиной Советского Союза, и новый демарш Лондона на фоне других накопившихся противоречий только усугубил эти подозрения. И. В. Сталин в телеграмме И. М. Майскому от 19 октября 1942 г. писал, что Р. Гесса «Черчилль, по-видимому, держит про запас... У нас у всех в Москве создается впечатление, что Черчилль держит курс на поражение СССР, чтобы потом сговориться с Германией Гитлера или Брюнинга за счет нашей страны»⁵. И. М. Майский в ответ предложил свой анализ мотивов британской политики, заключив: «Я не думаю, чтобы Черчилль сознательно ставил себе такую цель»⁶. И. В. Сталин частично согласился с анализом посла, хотя остался при своем мнении о лицемерии британского лидера: «Черчилль заявил нам в Москве, что к началу весны 43 года около миллиона англо-американских войск откроют второй фронт в Европе. Но Черчилль принадлежит, видимо, к числу тех деятелей, которые легко дают обещание, чтобы также легко забыть о нем или даже грубо нарушить его. Он также торжественно обещал в Москве бомбить Берлин интенсивно в течение сентября — октября. Однако он не выполнил своего обещания и не попытался даже сообщить в Москву о мотивах невыполнения. Что же, впредь будем знать, с какими союзниками имеем дело»⁷.

Некоторая стабилизация ситуации под Сталинградом к середине ноября 1942 г. в сочетании с успешной высадкой союзников в Северной Африке ослабили напряженность в союзных отношениях. И. В. Сталин, ранее сомневавшийся в успехе «Факела», приветствовал его обнадеживающее начало. Тон его переписки с союзниками заметно потеплел. Менялась ситуация и на советско-германском фронте. К концу ноября успех советского наступления под Сталинградом показал, что в гигантской битве на Волге наступил перелом. «Судьба великого сражения, продолжающегося под Сталинградом, еще не решена окончательно, но вполне вероятно, что русское наступление будет иметь далеко идущие последствия для германской мощи... — отмечал У. Черчилль в меморандуме для британского военного командования от 2 декабря. — К концу 1942 года мы сможем сделать один вполне определенный вывод — в 1943 году не произойдет никакой существенной переброски германских войск с Восточного на Западный театр военных действий. Это будет фактом первостепенного значения»⁸.

Сталинградская битва, имевшая огромный резонанс во всем мире, дала первый толчок к расширению дипломатических связей СССР с «малыми» членами антигитлеровской коалиции, прежде всего в Латинской Америке. При этом инициативу, как правило, проявляли сами эти страны на волне стремительно растущих симпатий к Советскому Союзу как главной боевой силе в борьбе с фашизмом.

Видную роль в этом процессе сыграл посол СССР в США М. М. Литвинов, через которого шли переписка и соответствующие переговоры. Первой на этот путь встала Куба, в октябре 1942 г. предложившая наладить дипломатические отношения с СССР. Они были установлены в феврале 1943 г., причем первым советским посланником на Кубе стал по совместительству М. М. Литвинов. В начале 1943 г. были восстановлены дипломатические отношения СССР с Уругваем и Колумбией.

Высадка американских войск на побережье Алжира в ходе операции «Факел»

Большое значение имело восстановление межгосударственных отношений с Мексикой, прерванных в 1936 г. В конце октября 1942 г. министр иностранных дел этой страны Э. Падилья заявил, что правительство Мексики «с удовлетворением восприняло бы восстановление отношений с СССР как дань восхищения огромным вкладом, который внесло в дело демократии героическое сопротивление советского народа преступной агрессии нацистской диктатуры»⁹. Советское правительство ответило согласием, и после обмена нотами между М. М. Литвиновым и послом Мексики в США в ноябре 1942 г. дипломатические отношения между двумя странами были восстановлены. На первых порах роль советского посланника исполнял по совместительству М. М. Литвинов, а в июне 1943 г., когда миссии обеих стран были преобразованы в посольства, им стал посол К. А. Уманский. Первый посланник Мексики в Москве привез И. В. Сталину письмо президента своей страны А. Камачо, в котором, в частности, говорилось: «Великолепная борьба, которую ведет Советская армия против войск тоталитарных держав и которая решительно поддерживается всем народом Советского Союза, вызвала в Мексике, так же как и во всем мире, самый горячий энтузиазм»¹⁰.

Победа под Сталинградом создавала благоприятные возможности для активизации военных действий союзников против Германии. В феврале 1943 г. Объединенный комитет по разведке при британском Комитете начальников штабов (КНШ) дал следующую оценку новой ситуации на советско-германском фронте: «Каковы бы ни были намерения или планы Германии, мы считаем, что настало время признать, что поражение, нанесенное ей в России, возможно, является невосполнимым. Для своей кампании в России она создала самую большую и сложную военную машину из когда-либо существовавших. Эта машина была побита и повреждена до такой степени, что вряд ли может быть восстановлена... Мы считаем, что может возникнуть ситуация (и к ней нам следует быть готовыми), при которой Германия вообще окажется не в состоянии стабилизировать и удерживать линию фронта в

России. Если это произойдет, то организованное немецкое сопротивление в России может рухнуть». Далее в докладе прогнозировались геополитические последствия этого краха: Германия будет всеми силами сдерживать «вторжение с востока» и может открыть фронт на западе (вплоть до «приглашения» англо-американских войск) в надежде на сепаратный мир с США и Великобританией. Европейские сателлиты Германии будут один за другим выходить из войны, Румыния и Болгария подпадут под контроль Москвы и т. д. 22 февраля 1943 г. КНШ согласился в принципе с основным содержанием доклада, но сделал оговорку о том, что он, «возможно, рисует слишком оптимистическую картину. Пока еще преждевременно с уверенностью предсказывать ход дальнейших операций в России»¹¹.

Однако союзники не спешили воспользоваться новыми возможностями, открывшимися после Сталинграда, рассчитывая и впредь на решающий вклад СССР в разгром вермахта. В результате победы на Волге, как сообщал из Лондона И. М. Майский, в британских кругах укрепилось настроение «самоуспокоенности»¹².

Тем не менее наметившийся перелом в ходе войны ставил в повестку дня согласование планов союзников на дальнейшую перспективу. На сей раз участие СССР в этом обсуждении коалиционной стратегии выглядело особенно обоснованным и даже необходимым. Ф. Рузвельт предложил англичанам провести трехстороннюю встречу военных штабов. Но это предложение было отклонено У. Черчиллем, доказывавшим американскому президенту, что советские представители не будут иметь необходимых полномочий и ограничатся известными требованиями открытия второго фронта. У. Черчилль писал президенту США в конце ноября 1942 г.: «Они наверняка потребуют крепкого второго фронта в 1943 г. в виде массивного вторжения на континент с запада, юга или с обоих этих направлений»¹³.

Вместо совещания штабов трех стран У. Черчилль предложил воспользоваться согласием И. В. Сталина на встречу большой тройки в Исландии, о которой шла речь на переговорах в Москве в августе 1942 г. Ф. Рузвельт с готовностью согласился, однако отклонил другую идею У. Черчилля — провести до встречи с И. В. Сталиным двустороннее совещание для выработки совместной англо-американской позиции. «Я не хочу, чтобы у Сталина создалось впечатление, что мы обо всем договорились между собой еще до встречи с ним», — отвечал он британскому премьеру¹⁴. Местом встречи трех лидеров был выбран город Касабланка на севере Африки. С этим предложением оба лидера и обратились к И. В. Сталину в близких по тексту посланиях, причем авторство этой идеи было приписано Ф. Рузвельту.

Однако И. В. Сталин вежливо отказался от встречи с западными партнерами, что некоторые западные историки считают его ошибкой — упущенной возможностью повлиять на стратегические решения союзников¹⁵. Крайняя занятость делами фронта, на которую он сослался, была достаточно убедительной, хотя, наверное, не единственной тому причиной. Свою роль могли сыграть стойкая неприязнь к дальним путешествиям (особенно авиационным перелетам), нежелание встречаться с западными партнерами на чужой, неподконтрольной территории и, главное, стремление укрепить свои военно-стратегические позиции перед решающими обсуждениями большой стратегии. И. В. Сталин также отклонил рекомендацию И. М. Майского настоять на участии других советских представителей в работе конференции в Касабланке с тем, как предлагал посол, «чтобы мы не оказались в стороне от предстоящих совещаний и не были вновь поставлены перед фактом уже принятых без нас решений»¹⁶.

Отказ И. В. Сталина приехать в Касабланку был встречен У. Черчиллем с чувством облегчения. В беседе с И. М. Майским премьер так описал свое объяснение мотивов И. В. Сталина, которое он дал Ф. Рузвельту: «Сталин — реалист. Его не проймешь словами. Если бы он приехал, то первый вопрос, который он задал бы нам с Вами, гласил бы: «Ну, сколько немцев Вы убили в 1942 году? И сколько Вы рассчитываете убить в 1943 году?» А что бы мы с Вами ответили? Мы и сами не знаем. Сталину это было ясно с самого начала — какой же смысл ему было ехать на совещание? Тем более что дома у него действительно делаются большие дела»¹⁷.

Ф. Рузвельт приветствует почетный караул американских солдат. г. Касабланка, 1943 г.

Ф. Рузвельт и У. Черчилль за столом с высшими офицерами союзников на конференции в Касабланке

Записка И. В. Сталина
В. М. Молотову в Лондон

Лондон

Вневедомо
переда

Совинформ

Молотову. [1. Кросс
горлова, передаю
тебе изеном, ~~и след~~
~~некоторые гра дозвора~~
получили. Мы со
не считаем пустой
декларацией и при-
знаем, что он явля-
ется важным доку-
ментом. Там есть
вопрос о границах,
но это, по-моему, не важно,
так как у нас сейчас

руки свободными. ~~10~~ (2) (16)

Вопрос о границах, ~~от~~
или ^{через} гарантия безопасности наших
границы и том или
ином уровне наши
Справ, будет решаться
Самое. ~~_____~~
~~_____~~

2. Мы предлагаем
забросить ^{поправки}
к старому ^{проекту} договору
и начать с нуля
проект узла, обле-
жающий от договора.

к проекту А.И.И. (17)

3. Наши контракты

Загн 1 статьи 1. - в шестом
слов "в силу Союз,
установленного между
нами" читать "в силу
Союз, установленного
между Великобританией
и СССР." далее:

Загн 2, конец статьи
5. в шестом слов - "не
вмешиваться во внутренние
дела других народов"
читать: "не вмешиваться
во внутренние дела других
государств."

4. Если есть у нас ⁶⁵ (4) (18)
Группа Поправки Союзные
Каш. р. окрест.

5. Мешать только окрест
подписать договор
и после этого выехать
~~в окрест~~ в Америку.

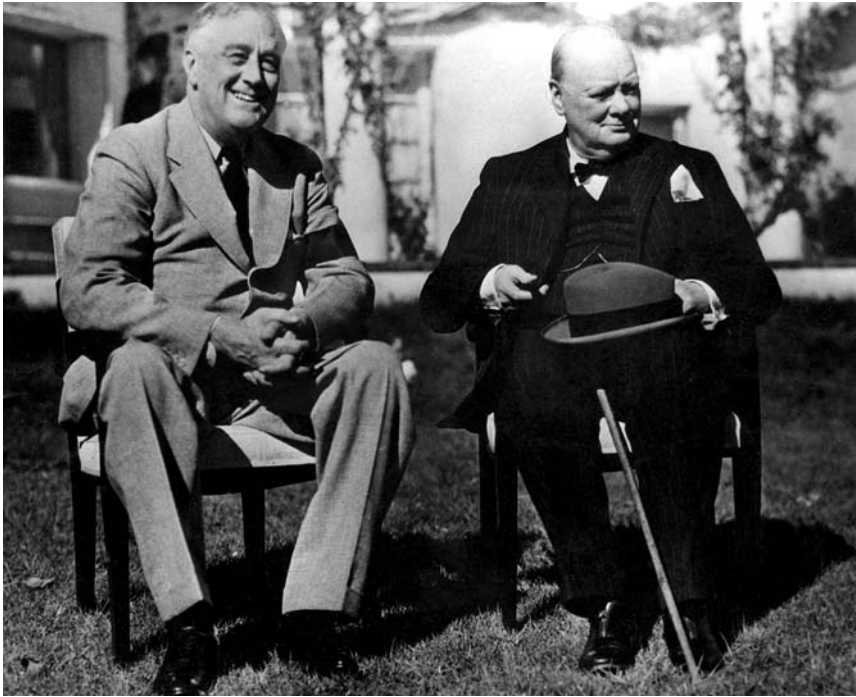
Имеются.

ДЕС	3	И ВИД
СНЯТ	3	КОЛ
24/5		1942 г.
Машинистка: <i>В. В. В.</i>		

1. С. С. С.
2. С. С. С.

ЛСО	Снято 1	ЭКВ.
КО	ЛО	СОСР.
Т	Бариневой	
Завед. групп.	16/1000	
Оператор	Горюхов	
"17"	Ремонт 1942 г.	

24/5 42

Ф. Рузвельт и У. Черчилль в Касабланке

Пресс-конференция в Касабланке

Решения англо-американской конференции в Касабланке (12–24 января 1943 г.), которая прошла при преимуществе хорошо подготовленной британской стороны, отражали основные приоритеты стратегии Великобритании: упор на дальнейшие операции в Средиземноморье (операция «Хаски» по высадке в Сицилии с последующим вторжением на Апеннинский полуостров), наращивание сил на Британских островах для будущей высадки на Европейский континент (операция «Болеро»), усиление бомбардировок территории Германии и приоритетное значение Европейского театра военных действий по сравнению с Тихоокеанским. Второй фронт в 1943 г. пока еще не отменялся, но, как хорошо понимали военные планировщики обеих стран, продолжение средиземноморской стратегии было плохо совместимо с масштабным вторжением на север Франции.

«Крылья «Болеро» и «Раундап» уже опалились в пламени «Факела», — резюмировал итоги встречи начальник группы стратегического планирования США генерал А. Ведемейер. — Когда же в Касабланке было решено продолжать средиземноморские операции, я знал, что форсирование Канала в 1943 году для решающего разгрома Германии... больше не состоится»¹⁸. Кроме того, в Касабланке союзники объявили о принципе безоговорочной капитуляции в отношении Германии и других стран оси. Это была американская инициатива, поддержанная и У. Черчиллем, хотя он впоследствии пытался дистанцироваться от этого решения, усилившего, по его мнению, силу немецкого сопротивления. Главным мотивом Ф. Рузвельта было заверить Москву в решимости англо-американцев довести борьбу с фашизмом до победного конца, ослабить советские подозрения насчет возможности их сговора с Германией, а заодно исключить возможность заключения сепаратного мира между ней и Советским Союзом, которого тогда еще опасались на Западе. Дополнительным мотивом служило стремление хоть как-то компенсировать отсутствие второго фронта.

Ф. Рузвельт и У. Черчилль хорошо понимали, что «цель безоговорочной капитуляции для англо-американцев недостижима без Красной армии»¹⁹. Советское руководство в целом позитивно отнеслось к этой инициативе и впоследствии не раз ссылалось на этот принцип в своей политике. Так, в приказе от 1 мая 1943 г. И. В. Сталин говорил о борьбе «до полного разгрома гитлеровских армий и безоговорочной капитуляции Германии»²⁰.

Хотя руководители Великобритании и США даже в переписке между собой еще не признавались в отказе от второго фронта в 1943 г., они хорошо понимали, что итоги Касабланки вряд ли понравятся И. В. Сталину. «Всем нам было очевидно, — писал генерал А. Ведемейер, — что ни одна из операций вокруг островов Средиземного моря не создаст для русских второго фронта и не отвлечет силы «оси» с Восточного фронта»²¹. Поэтому Ф. Рузвельт и У. Черчилль решили сообщить об итогах встречи И. В. Сталину в специальном совместном послании от 25 января 1943 г. Информирование Москвы о решениях в Касабланке было необходимо и для демонстрации единства антигитлеровской коалиции перед всем миром. Неслучайно в коммюнике по итогам встречи говорилось, что «премьер Сталин был полностью информирован о военных решениях», принятых на конференции»²².

Это утверждение являлось преувеличением, ибо совместное послание было сформулировано в обнадеживающих, но расплывчатых тонах. В нем провозглашалось намерение «заставить Германию встать на колени» уже в текущем году, говорилось об отвлечении сил вермахта с советско-германского фронта как основной задаче союзников, но не содержалось никаких конкретных обязательств. Сами западные лидеры не обольщались относительно реакции Москвы на свое сообщение. «Ничто на свете не будет приемлемо для Сталина, кроме высадки 50–60 дивизий во Франции этой весной, — писал У. Черчилль А. Идену и Военному кабинету. — Думаю, что он будет разочарован и даже взбешен совместным посланием»²³. Однако в ответном послании обоим лидерам от 30 января 1943 г. И. В. Сталин воздержался от предметной оценки намеченных операций и лишь запросил от них более конкретную информацию. Он исходил из того, что союзники продолжают придерживаться своего обязательства об открытии второго фронта в 1943 г.

Обещанное разъяснение принятых в Касабланке решений готовилось в Лондоне с большой тщательностью. Составленный У. Черчиллем проект послания был согласован с

Ф. Рузвельтом, который придал ему менее конкретный характер. Имперский генеральный штаб одобрил правку президента и в дополнение рекомендовал убрать из проекта оставшуюся в нем привязку грядущего форсирования Ла-Манша к сентябрю 1943 г. «Нам не следует связывать себя столь определенным обещанием», — писали британские военные²⁴. Тем не менее У. Черчилль в своем послании И. В. Сталину, полученном в Москве 12 февраля, пренебрег этой рекомендацией, опасаясь, видимо, резкой сталинской реакции на столь явный отход от предыдущих обязательств.

Таким образом, после очередного нажима на союзников И. В. Сталин получил весьма определенное обещание открытия второго фронта во Франции в августе — сентябре 1943 г. Но и эта произвольная трактовка касабланкских решений его не устраивала, поскольку была отступлением от ранее принятых союзниками обязательств относительно сроков вторжения во Францию. Ситуация еще более осложнялась тем, что в феврале наступление союзников в Северной Африке захлебнулось и первоначальные сроки завершения «Факела» были серьезно нарушены. Это грозило окончательно сорвать открытие второго фронта в 1943 г. и давало вермахту передышку для активизации на советско-германском фронте. «Все это пахнет плохо, — резюмировал в своем дневнике И. М. Майский. — Операции в Тунисе из-за последних поражений американцев затягиваются. Едва ли они закончатся раньше апреля. Значит, операции в Сред[иземном] море начнутся не раньше июня — июля. Операции нелегкие. Вероятно, они тоже затянутся, а главное, пойдут, надо думать, не гладко. Внимание англичан будет сконцентрировано на подборке подкреплений куда-нибудь в Сицилию или Додеканес. Тоннаж будет загружен отправкой снабжения за тысячи миль от Англии. С операцией через Ла-Манш бритпра (британское правительство. — *Прим. ред.*) будет тянуть, примеряться, откладывать... Что же выйдет из второго фронта?»²⁵

В своем ответе У. Черчиллю от 16 февраля И. В. Сталин выразил серьезную озабоченность затягиванием «Факела», которое, по его словам, уже привело к переброске на советско-германский фронт дополнительных 27 дивизий противника. Он также предложил перенести высадку союзников на севере Франции с августа — сентября на весну — начало лета: «...чем раньше мы совместно используем создавшиеся в гитлеровском стане затруднения на фронте, тем больше оснований рассчитывать на разгром Гитлера в скором времени. Если не учесть всего этого сейчас и не использовать нынешний момент в наших общих интересах, то может случиться так, что, получив передышку и собрав силы, немцы смогут оправиться»²⁶.

Придерживаясь той же линии, И. М. Майский в своей беседе с А. Иденом 18 февраля 1943 г. поднял вопрос о пересмотре решений в Касабланке в свете новой обстановки на советско-германском фронте. Германия, доказывал посол, может быть разбита уже в 1943 г., если советское наступление подкрепить «достаточно крепким ударом с запада» путем вторжения во Францию. «Сицилию, Италию и т. д. можно отложить, ибо, если оправдаются надежды, возлагаемые на второй фронт... то вопрос о Средиземном море решается сам собой»²⁷.

Министр расценил демарш И. М. Майского как санкционированный Москвой, что, естественно, увеличивало его вес в глазах англичан²⁸. Предложение И. М. Майского по распоряжению У. Черчилля было рассмотрено А. Иденом и генштабом, которые признали его «непрактичным», подтвердив правильность принятых в Касабланке решений. Неслучайно в приказе Верховного главнокомандующего по случаю годовщины создания Красной армии вопрос о военной помощи со стороны союзников был обойден стороной, что свидетельствовало о недовольстве советской стороны их политикой в отношении второго фронта.

11 марта 1943 г. У. Черчилль направил И. В. Сталину новое послание, в котором оправдывал пассивность союзников в Тунисе, ссылаясь на трудности форсирования Ла-Манша и расписывал планы будущих операций союзников в Италии. При этом он избегал определения конкретных сроков высадки во Франции, оставляя за союзниками свободу рук в решении этого вопроса. Не удивительно, что это послание было встречено в Москве с тревогой. Положение на советско-германском фронте к тому времени вновь осложнилось в результате упорного сопротивления немцев и просчетов командования Юго-Западного фронта. Проведя перегруппировку сил и нарастив преимущество в танках на направлениях главных

Конвой союзников в Атлантике

контрударов, германские войска под командованием Э. фон Манштейна прорвали правый фланг Юго-Западного фронта. Советскими войсками были оставлены Павлоград, Красноармейск, Краматорск, угроза нависла и над Харьковом. 15 марта после тяжелых боев город был вновь захвачен вермахтом²⁹. На этом фоне новые проволочки союзников с открытием второго фронта воспринимались в Москве особенно болезненно.

В своем ответе У. Черчиллю от 15 марта 1943 г. И. В. Сталин подчеркнул осложнение обстановки на советско-германском фронте и предупредил премьера о серьезной опасности дальнейшего промедления с открытием второго фронта во Франции: «После того как советские войска провели всю зиму в напряженнейших боях и продолжают их еще сейчас, а Гитлер проводит новое крупное мероприятие по восстановлению и увеличению своей армии к весенним и летним операциям против СССР, нам особенно важно, чтобы удар с Запада больше не откладывался, чтобы этот удар был нанесен весной или в начале лета... Неопределенность Ваших заявлений относительно намеченного англо-американского наступления по ту сторону Канала вызывает у меня тревогу, о которой я не могу умолчать»³⁰.

Конец марта принес еще одну плохую весть — решение западных союзников об очередной приостановке северных конвоев в СССР до сентября, о котором У. Черчилль информировал И. В. Сталина в своем послании от 29 марта 1943 г. Это решение, по словам союзников, вызывалось нехваткой тоннажа и эскорта, необходимых для подготовки высадки в Сицилии (операция «Хаски») при одновременном продолжении плановых поставок в Советский Союз. История повторялась: как и в 1942 г., северные конвои становились жертвой англо-американской стратегии «мягкого подбрюшья» с той разницей, что на этот раз потери конвоев сократились и не имели большого значения в принятии подобного решения.

И. В. Сталин дал «стоический», по выражению У. Черчилля, ответ на это известие, квалифицировав «этот неожиданный акт как катастрофическое сокращение поставок военного сырья и вооружения Советскому Союзу со стороны Великобритании и США», которое «не может не отразиться на положении советских войск»³¹.

Хотя союзники несколько увеличили поставки в СССР по тихоокеанскому и южному маршрутам, это не могло полностью компенсировать потери от прекращения отправки северных конвоев. В итоге накануне нового летнего наступления вермахта (операция «Цитадель») советские войска оказались лишены значительной части обещанной помощи. В целом обязательства союзников по Второму протоколу (июнь 1942 — июнь 1943 г.), по американским данным, были выполнены на 76% (3,054 вместо 4,02 млн тонн). За этот период было поставлено 3816 самолетов и 1206 танков, что составляло незначительную часть советского производства этих типов боевой техники³². Большая часть поставок по ленд-лизу в СССР пришлось на период уже после коренного перелома в войне, при этом общая сумма затрат на ленд-лиз для СССР за годы войны составила всего 4% от совокупных военных расходов США и Великобритании³³.

В апреле 1943 г. отношения с союзниками несколько улучшились в связи с завершением основных военных операций в Северной Африке, но вскоре их осложнил кризис в советско-польских отношениях, нараставший с начала 1943 г. Упорное нежелание польской стороны признать присоединение Западной Украины и Западной Белоруссии к СССР, проблема гражданства поляков, оставшихся на этой территории, ограничения на работу польских благотворительных организаций в Советском Союзе, проблема выезда поляков из СССР — всё это обостряло отношения между Москвой и эмигрантским правительством В. Сикорского. В марте в Москве был создан «Союз польских патриотов» во главе с писательницей Вандой Василевской, который занял критическую позицию в отношении «лондонских поляков».

Судя по всему, к этому времени И. В. Сталин уже принял решение порвать с правительством В. Сикорского дипломатические отношения. Это подтверждается и указанием В. М. Молотова послу при союзных правительствах в изгнании А. Е. Богомолу от 22 апреля 1943 г. немедленно прекратить отношения с правительством В. Сикорского, «не прерывая формально отношений с поляками»³⁴. Однако И. В. Сталин хотел предварить свое решение извещением союзников. 21 апреля У. Черчиллю и Ф. Рузвельту были направлены идентичные послания, в которых сообщалось о намерении советского правительства прервать с правительством В. Сикорского дипломатические отношения³⁵.

«Лондонцы», со своей стороны, также готовились сжечь мосты, связывающие их с Москвой. Еще в конце марта, после срыва переговоров польского посла Т. Ромера с И. В. Сталиным и В. М. Молотовым, министр иностранных дел правительства В. Сикорского конфиденциально предупреждал англичан о возможности разрыва дипломатических отношений с СССР³⁶.

У. Черчилль и Ф. Рузвельт не хотели подрывать свои отношения с главным союзником, чтобы утешить «лондонских поляков». В то же время они стремились сохранить прозападное правительство В. Сикорского. Поэтому их позиция свелась к тому, чтобы сгладить разгоревшийся конфликт: с одной стороны, уговорить И. В. Сталина повременить с официальным разрывом, а с другой — заставить «лондонцев» дезавуировать свой антисоветский демарш.

24 апреля 1943 г. в Москве было получено послание У. Черчилля по польскому вопросу, в котором премьер просил И. В. Сталина не спешить с публичным объявлением своего решения, обещая оказать давление на правительство В. Сикорского. У. Черчилль также призывал советского лидера ускорить выезд оставшихся в СССР поляков для нормализации советско-польских отношений. Ф. Рузвельт поддержал позицию У. Черчилля в своем послании И. В. Сталину от 25 апреля, назвав демарш кабинета В. Сикорского ошибкой.

«Да, трудный народ поляки, — жаловался И. М. Майскому министр иностранных дел Великобритании А. Иден, — и я бы просил членов советского правительства верить тому, что мы, члены британского правительства, далеко не всегда знаем, что делает или собирается делать польское правительство»³⁷. Однако в Москве этому вряд ли верили.

В. Сикорский

Новое польское заявление от 28 апреля 1943 г. носило половинчатый характер и было сделано от имени польского информационного агентства, что снижало его официальный статус. Но было уже поздно. Еще 25 апреля вечером В. М. Молотов вызвал посла Т. Ромера и вручил ему ноту о разрыве отношений, почти дословно повторявшую послание И. В. Сталина от 21 апреля (это произошло еще до получения послания У. Черчилля от 25 апреля с описанием подвижек в польской позиции под английским давлением). В Вашингтоне и Лондоне стали опасаться, что вслед за этим будет создано польское правительство на территории СССР в противовес лондонскому, как предупреждали из Москвы послы А. Керр и У. Стэндли³⁸.

По совету своих дипломатов и с одобрения президента США У. Черчилль направил И. В. Сталину новое послание с выражением сожаления по поводу разрыва советско-польских отношений и озабоченности в связи с распускаемыми нацистской пропагандой слухами о создании нового «польского правительства на русской земле». И. В. Сталин в своем ответе У. Черчиллю и В. М. Молотов во время вручения ему этого послания А. Керром³⁹ с возмущением отвергли такую идею как выдумку геббельсовской пропаганды. М. М. Литвинов и И. М. Майский получили личное указание И. В. Сталина объяснить принимающей стороне «абсурдность» подобных слухов⁴⁰. Эти заверения произвели впечатление в Лондоне: «Черчилль и Кадоган вздохнули с облегчением», как сообщал И. М. Майский о встрече с ними 30 апреля⁴¹.

В ответ на просьбы союзников советское правительство согласилось ускорить выезд поляков из СССР. В послании У. Черчиллю от 4 мая 1943 г. впервые выдвигалась идея реорганизации лондонского правительства под совместной эгидой большой тройки в целях укрепления единства антифашистского фронта. Это предложение для западных лидеров выглядело весьма умеренным и приемлемым компромиссом. «Мне кажется, что ответ Сталина очень дружественный и разумный, — телеграфировал У. Черчилль А. Идену на пути в США для очередной встречи с Ф. Рузвельтом. — Замечательно, что он направил такое по-

слание, особенно включив в него абзац о выезде поляков как важном вопросе. Дальнейшие размышления укрепляют мое ощущение, что польское правительство совершило глупую и недостойную ошибку большого масштаба и что во имя будущего Польши необходима его серьезная перестройка. Я рад, что Вы уже начали говорить об этом с Сикорским»⁴².

В. Сикорский под нажимом англичан начал склоняться к идее создания кабинета в узком составе, в работе которого не участвовали бы наиболее антисоветски настроенные члены его правительства. «Сикорскому надо внушить, что он и его окружение совершают безнадежную ошибку, когда они затевают публичные атаки против России, — писал У. Черчилль А. Идену. — Запретить им отвечать на протесты русских — лишь малая толика заслуженного наказания за их глупость. Я все больше прихожу к тому, что мы не должны слишком нежничать с этими неразумными людьми. Надеюсь, что Вы сумеете убедить Сикорского перестроить свое правительство. Пока он этого не сделает, нам нужно держать его на расстоянии»⁴³. Таким образом, идея реорганизации польского правительства по инициативе И. В. Сталина стала выдвигаться в повестку дня союзной дипломатии. Однако польский вопрос и в дальнейшем осложнял взаимоотношения союзников.

Наметившийся перелом в ходе войны на фоне обострения отношений с Советским Союзом подтолкнул Ф. Рузвельта к попытке установить прямой личный контакт с И. В. Сталиным в обход британского премьера. Президент был уверен, что сможет скорее найти общий язык с советским лидером, чем У. Черчилль. К тому же он не хотел мириться с тем, что премьер-министр взял на себя роль посредника между ним и И. В. Сталиным. Такая встреча требовала особой подготовки, и Ф. Рузвельт вновь прибегнул к использованию доверенного личного эмиссара. На сей раз им стал бывший посол США в Москве Джозеф Дэвис, который пользовался доверием президента и имел хорошую репутацию в СССР. Миссия Дж. Дэвиса готовилась в обстановке глубокой секретности, кроме президента в нее был посвящен только Г. Гопкинс. Ф. Рузвельт уведомил британского премьера об этом плане только в июне, причем приписал его авторство И. В. Сталину, чему У. Черчилль не очень поверил⁴⁴. Сам И. В. Сталин был заранее проинформирован Ф. Рузвельтом через М. М. Литвинова о предстоящей миссии Дж. Дэвиса и идее «встречи без Черчилля»⁴⁵.

20 мая 1943 г. на встрече в Кремле Дж. Дэвис передал И. В. Сталину послание президента США, содержание которого хранилось в тайне не только от англичан, но и от американского посла У. Стэндли. Главным в послании было предложение о неформальной встрече двух лидеров в районе Берингова пролива для обсуждения дальнейших военных планов. В беседе с Дж. Дэвисом И. В. Сталин высказал удивление исключением У. Черчилля, но тем не менее положительно отреагировал на тайное приглашение Ф. Рузвельта и даже назвал в качестве возможного места двусторонней встречи город Фербенкс на Аляске, более удаленный от советской границы, чем район, предложенный президентом. Временем встречи он предложил июль — август.

И. В. Сталина, как и Ф. Рузвельта, видимо, привлекала возможность «встречи умов» (по выражению президента), которая, кроме прочего, давала возможность выяснения англо-американских разногласий и использования их в своих целях. Сам Дж. Дэвис был вполне удовлетворен реакцией И. В. Сталина, сообщив Ф. Рузвельту, что его миссия увенчалась полным успехом и что в результате, «в принципе, было достигнуто полное согласие». В письменном отчете для президента Дж. Дэвис предупреждал: «Если Великобритания и Соединенные Штаты не откроют этим летом второй фронт, это окажет далеко идущее воздействие на Советский Союз как в отношении ведения войны, так и его участия в послевоенном мироустройстве»⁴⁶.

Миссия Дж. Дэвиса совпала с объявлением о роспуске Коминтерна, сделанным исполкомом этой организации 22 мая 1943 г. Этот шаг был предпринят по инициативе И. В. Сталина, выдвинутой на его встрече 8 мая с генеральным секретарем Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ) Г. Димитровым и членом Президиума ИККИ Д. Мануильским. Президиум исполкома Коминтерна обсудил и одобрил это решение на заседаниях 13 и 17 мая.

У. Стэндли

Дж. Дэвис

Публично И. В. Сталин объяснял роспуск Коминтерна невозможностью руководить зарубежными компартиями из единого центра и стремлением разоблачить ложь гитлеровской пропаганды о намерении Москвы «большевизировать» другие страны через их компартии⁴⁷. Однако сутью принятого решения было не прекращение советской поддержки зарубежных компартий и свертывание руководства ими со стороны Москвы, а изменение форм этой работы применительно к новой обстановке. А она требовала объединения всех антифашистских сил для противодействия оккупантам, которому препятствовала репутация компартий как инструментов советского влияния. Разъясняя подготовленное постановление на Политбюро, И. В. Сталин говорил: «...компартии, входящие в КИ, лживо обвиняются, что они являются якобы агентами иностранного государства, и это мешает их работе среди широких масс. С роспуском КИ выбивается из рук врагов этот козырь. Предпринимаемый шаг, несомненно, усилит компартии как национальные рабочие партии»⁴⁸.

Роспуск Коминтерна был тем более уместен, что в Москве в это время разворачивалась большая работа по активизации антифашистского сопротивления: было принято решение о формировании польской дивизии имени Тадеуша Костюшко, подготавливалось создание национального комитета «Свободная Германия» и аналогичных органов применительно к Италии, Венгрии, Румынии. Не менее важно было ослабить опасения союзников насчет «экспорта революции» на Запад и тем самым укрепить отношения с ними в ответственный для всей антигитлеровской коалиции момент. Неслучайно И. В. Сталин торопил с объявлением об этом решении, стремясь приурочить его к англо-американской конференции в Вашингтоне, на которой решалась судьба второго фронта⁴⁹.

Многие функции Коминтерна по связям с зарубежными компартиями взял на себя вновь созданный Отдел международной информации ЦК ВКП(б). Фактически им руководил Г. Димитров, хотя в тех же целях устранения коминтерновской привязки официальное

руководство отделом было возложено на А. С. Щербакова. Большая часть инфраструктуры ИККИ была также передана в подчинение Отдела международной информации ЦК ВКП(б), при котором создавались закрытые институты (№ 101, 205 и 99), занимавшиеся связями с международным коммунистическим движением⁵⁰.

Хотя и Ф. Рузвельт, и У. Черчилль сомневались в полном прекращении поддержки Москвой зарубежных компартий, в западных столицах это решение было воспринято как позитивный шаг в сторону отхода СССР от идеи мировой революции и укрепления антигитлеровской коалиции. Роспуск Коминтерна, отмечалось в отчете посольства США в Москве за 1943 г., «стал ободряющим признаком желая Советского Союза улучшить отношения с союзниками... и внес важный вклад в улучшение этих отношений»⁵¹.

У. Черчилль даже намеревался отправить И. В. Сталину специальное приветственное послание по этому поводу, но ему помешала занятость на вашингтонском совещании с Ф. Рузвельтом⁵². В те же дни Лондон и Москва обменялись теплыми поздравлениями в связи с первой годовщиной заключения советско-английского договора. Казалось, что в союзных отношениях вновь наступает светлая полоса, не омрачаемая даже польским вопросом. Во внутренней переписке британские дипломаты радовались тому, что «польский узел удалось изолировать от общих англо-советских отношений и он не нанес им ущерба»⁵³. Однако вскоре ситуация вновь осложнилась в связи с результатами англо-американских переговоров под кодовым названием «Трайдент», проходивших в Вашингтоне с 12 по 25 мая 1943 г. На сей раз вопрос о приглашении на них советской стороны даже не обсуждался.

Начало этих переговоров совпало с окончанием операций союзников в Тунисе. Установление контроля над Северной Африкой давало дополнительные козыри в пользу продолжения «средиземноморской стратегии». В ходе вашингтонских переговоров У. Черчилль и его военное командование смогли убедить Ф. Рузвельта в том, что развитие успеха в Средиземноморье обещает наилучшие перспективы на 1943 г.: эффективное использование уже имеющихся там сил для вывода из войны Италии, оттягивание сил вермахта с восточного фронта, вероятность вступления в войну Турции на стороне союзников, увеличение их военного вклада в разгром стран оси. Американцы, со своей стороны, настояли на продолжении «Болеро» — концентрации сил на Британских островах для последующего вторжения на Европейский континент. Открытие второго фронта вновь откладывалось, но впервые по настоянию США определялась его ориентировочная дата — 1 мая 1944 г.

4 июня 1943 г. в Москве было получено послание Ф. Рузвельта с информацией о решениях, принятых на «Трайденте». Сообщалось, в частности, что вторжение на север Франции планируется теперь на весну 1944 г. Дополнительная информация с детализацией позиции союзников была получена от И. М. Майского по результатам его беседы с У. Черчиллем 9 июня. «Черчилль, — сообщал посол, — выражал всяческие сожаления по поводу того, что англо-американцам пришлось отложить операции «через канал» до будущего года, но заверял, что «ничего лучшего сейчас, к сожалению, нельзя придумать». Во всех рассуждениях У. Черчилля об операциях во Франции чувствовалось чрезвычайное желание как-нибудь, под каким-либо подходящим предлогом их избежать, ибо «это трудные операции, неизбежно требующие больших жертв и усилий»... Изложенный разговор с Черчиллем, — резюмировал И. М. Майский, — окончательно определяет позицию Англии и США в этой войне, по крайней мере на данном этапе. Говорю «окончательно», ибо во все время разговора чувствовалось, что высказываемые Черчиллем мысли, расчеты и наметки глубоко продуманы и прочувствованы и что Черчилль будет их отстаивать с упорством английского бульдога»⁵⁴.

В те же дни подробное донесение из Вашингтона отправил в НКВД М. М. Литвинов. В нем он с тревогой писал об антисоветской подоплелке отсрочек с открытием второго фронта, сохранении враждебности к СССР со стороны значительной части общественного мнения, сопротивлении рузвельтовской политике и колебаниях самого президента в отношении советского союзника⁵⁵.

И. В. Сталин, видимо, тоже понимал окончательность решений «Трайдента», поэтому в своем ответе от 11 июня он не пытался оспорить или переубедить Ф. Рузвельта и У. Черчилль.

ля, а просто обвинил союзников в грубом нарушении данных обещаний и констатировал тяжкие последствия принятых ими решений для своей страны: «Это Ваше решение создает исключительные трудности для Советского Союза, уже два года ведущего войну с главными силами Германии и ее сателлитов с крайним напряжением всех своих сил, и предоставляет советскую армию, сражающуюся не только за свою страну, но и за своих союзников, своим собственным силам, почти в единоборстве с еще очень сильным и опасным врагом. Нужно ли говорить о том, какое тяжелое и отрицательное впечатление в Советском Союзе — в народе и в армии — произведет это новое откладывание второго фронта и оставление нашей армии, принесшей столько жертв, без ожидавшейся серьезной поддержки со стороны англо-американских армий. Что касается советского правительства, то оно не находит возможным присоединиться к такому решению, принятому к тому же без его участия и без попытки совместно обсудить этот важнейший вопрос и могущему иметь тяжелые последствия для дальнейшего хода войны»⁵⁶.

Этот ответ не стал неожиданностью для союзников, хорошо понимавших, что их сообщение явится для И. В. Сталина «разорвавшейся бомбой» (именно так в разговорах между собой окрестили информацию о «Трайдене» для СССР в английских дипломатических кругах)⁵⁷. «Сдержанность его тона, — комментировал из Москвы А. Керр, — на мой взгляд, не должна вводить нас в заблуждение о том, что он не испытывает настоящей тревоги и возмущения и что его вера в наши намерения не была серьезно подорвана. Он не преувеличивает того впечатления, которое это новое разочарование наверняка произведет на народ, которому предстоит еще одна голодная зима, и на Красную армию, которая поймет, что ей придется и дальше нести на себе главное бремя сухопутной войны еще месяцев десять или около того»⁵⁸.

Получив ответ главы советского правительства, У. Черчилль решил дать более аргументированное оправдание позиции союзников и с согласия Ф. Рузвельта направил И. В. Сталину новое послание, полученное в Москве 19 июня 1943 г. При его составлении премьер прислушался к совету А. Керра, который в той же телеграмме от 14 июня подчеркивал, что единственная надежда смягчить последствия решения о новой отсрочке второго фронта — это срочно провести встречу на высшем уровне с тем, чтобы И. В. Сталин не чувствовал, что важнейшие решения коалиционной войны принимаются без участия СССР. Иначе, по мнению посла, эта новая отсрочка «окончательно утвердит Сталина и его народ в их глубоком убеждении (которое только-только начало ослабевать) в том, что мы и американцы не ведем с ними честную игру, а намеренно даем им истечь кровью до самой смерти»⁵⁹. В конце послания У. Черчилль, словно в ответ на недовольство И. В. Сталина исключением СССР из принятия важнейших стратегических решений, предложил провести встречу большой тройки в Скапа-Флоу — военной базе на севере Шотландии.

Однако расчет У. Черчилля смягчить сталинскую реакцию этим предложением не оправдался. И. В. Сталин видел в У. Черчилле главного вдохновителя двойной игры союзников в вопросе о втором фронте и ответил ему гневным посланием от 24 июня, в котором с цитатами перечислялись все предыдущие обещания премьера на сей счет. В заключение говорилось: «Это Ваше ответственное решение об отмене предыдущих Ваших решений насчет вторжения в Западную Европу принято Вами и президентом без участия советского правительства и без какой-либо попытки пригласить его представителей на совещание в Вашингтоне, хотя Вы не можете не знать, что в войне с Германией роль Советского Союза и его заинтересованность в вопросах второго фронта достаточно велики. Нечего и говорить, что советское правительство не может примириться с подобным игнорированием коренных интересов Советского Союза в войне против общего врага. Вы пишете мне, что Вы полностью понимаете мое разочарование. Должен Вам заявить, что дело идет здесь не просто о разочаровании советского правительства, а о сохранении его доверия к союзникам, подвергаемого тяжелым испытаниям. Нельзя забывать того, что речь идет о сохранении миллионов жизней в оккупированных районах Западной Европы и России и о сокращении колоссальных жертв советских армий, в сравнении с которыми жертвы англо-американских войск составляют небольшую величину»⁶⁰.

Отповедь И. В. Сталина имела в Лондоне большой резонанс. «Звучит очень внушительно, — признал в своем дневнике первый заместитель А. Идена А. Кадоган, — особенно когда цитируются предыдущие послания премьер-министра!»⁶¹

У Черчилля особенно уязвило обвинение в сознательном обмане своего боевого союзника. И. М. Майский, которого премьер принял 3 июля 1943 г., в своей депеше в Москву дал живое описание этой реакции: «Хотя послание товарища Сталина является очень искусным полемическим документом, — сказал премьер, — оно не вполне учитывает действительное положение вещей». Когда Черчилль давал товарищу Сталину свои обещания, он вполне искренне верил в возможность их осуществления. Не было никакого сознательного втирания очков. «Но мы не боги, — продолжал Черчилль, — мы делаем ошибки. Война полна всяких неожиданностей... Приходится на ходу перестраиваться, менять планы». В ходе разговора Черчилль несколько раз возвращался к той фразе послания товарища Сталина, в которой говорится о «доверии к союзникам» (в самом конце послания). Эта фраза явно не давала покоя Черчиллю и вызывала в нем большое смущение»⁶².

Хотя премьер-министр ответил И. В. Сталину весьма сдержанно, он был настолько уязвлен, что начал подумывать о прекращении переписки с советским вождем. Об этом У. Черчилль сообщил послу А. Керру, который в ответ призвал премьера отказаться от своего намерения и войти в положение советской стороны: «Здесь, в Москве, наша слабость очевидна. Сталин дважды во всеуслышание заявлял о нашем намерении высадиться в этом году в Западной Европе и дважды нам приходилось его разочаровывать. Наша слабость — не в неспособности открыть второй фронт, а в том, что мы уверили его в намерении это сделать». Посол напомнил У. Черчиллю о необходимости сотрудничать с И. В. Сталиным «не только в разгроме Гитлера, но и в последующие годы, поскольку от этого зависят жизни миллионов людей, а во многом — и будущее всего мира. Поэтому, я считаю, что мы должны сохранять его доверие даже с ущербом для себя»⁶³. В итоге У. Черчилль, так и не дождавшись ответа от И. В. Сталина на свое послание, сам возобновил переписку с ним в начале июля.

Другим ответом И. В. Сталина на решения «Трайдента» и суровым предупреждением союзникам стал отзыв популярных на западе послов — ветеранов советской дипломатии И. М. Майского, а затем и М. М. Литвинова, которых сменили молодые дипломаты жесткой молотовской школы А. А. Громыко и Ф. Т. Гусев. Показательно, что И. М. Майский получил указание о вызове в Москву 25 июня 1943 г.⁶⁴, то есть сразу после гневного сталинского ответа У. Черчиллю на его послание от 19 июня, которое, видимо, стало для И. В. Сталина последней каплей, переполнившей чашу терпения.

Официально послы вызывались в Москву для консультаций, но опытные дипломаты догадывались о сути происходящего. Это сообщение, телеграфировал в Москву И. М. Майский 29 июня, произвело на А. Идена впечатление, «близкое к впечатлению от разорвавшейся бомбы... Из слов Идена можно было понять, что мой вызов в Москву он связал с посланием т. Сталина от 24 июня и все это вместе истолковал как явный симптом ухудшения отношений между СССР и Англией»⁶⁵. Преемник И. М. Майского в Лондоне Ф. Т. Гусев впоследствии также объяснял отзыв своего предшественника недовольством Москвы поведением союзника в вопросе о втором фронте⁶⁶. О том же сообщал и А. А. Громыко, описывая американскую реакцию на отзыв М. М. Литвинова⁶⁷.

Под влиянием Вашингтонских решений союзников изменилась и позиция И. В. Сталина в вопросе о встрече с Ф. Рузвельтом, обсуждавшейся во время майского визита Дж. Дэвиса. Сначала он затянул с ответом на напоминания из Вашингтона, а в начале августа послал Ф. Рузвельту вежливый отказ от этой идеи, ссылаясь на обстановку на советско-германском фронте, где развернулась решающая фаза битвы на Курской дуге. Объяснение выглядело вполне обоснованным, но, думается, что И. В. Сталин, помимо прочего, хотел еще раз выразить союзникам свое недовольство, да и сама встреча теряла смысл, поскольку главные стратегические решения уже были приняты без участия СССР. Советскому руководству стало ясно, что и в 1943 г. в войне с Германией придется рассчитывать лишь на собственные силы. Не менее очевидным было и то, что только новый большой успех на полях сражений мог

заставить англо-американцев всерьез считаться с интересами Советского Союза и подвигнуть их к проведению согласованной коалиционной стратегии. Таким успехом стала победа советских войск на Курской дуге. Отныне стратегическая инициатива полностью перешла к Красной армии. «Три огромных сражения под Курском, Орлом и Харьковом, занявшие всего два месяца, — писал впоследствии У. Черчилль в своих мемуарах, — означали конец германской армии на восточном фронте»⁶⁸.

Военные разведки США и Великобритании в своих оценках ситуации, сложившейся в результате летнего советского контрнаступления, пришли к выводу о том, что вермахт отныне не сможет перебросить значительные силы на запад для противодействия будущей высадке союзников. Напротив, ему пришлось оголить западный фронт для сдерживания Красной армии⁶⁹. Так победы Красной армии на фронте Великой Отечественной войны подготавливали почву для успеха второго фронта.

Политика СССР в отношении третьих стран

После разгрома немцев на Курской дуге стало ясно, что победа над Германией отныне является лишь вопросом времени. Советское руководство обрело новую уверенность в своих силах, а западные союзники начинали понимать необходимость более тесного взаимодействия с СССР на основе учета его интересов. Одновременно в западных столицах нарастали опасения долгосрочных последствий усиления роли Советского Союза, зародившиеся после Сталинградской битвы. Это подпитывало стремление союзников закрепиться в своей сфере влияния, не допустив там укрепления советских позиций.

Важным регионом такого соперничества стала Италия, которая после высадки союзников на Сицилии в начале июля 1943 г. стала выходить из войны на стороне Германии. 25 июля режим Б. Муссолини рухнул, и было образовано новое правительство Италии во главе с бывшим сподвижником дуче — маршалом П. Бадольо. В повестку дня союзной дипломатии выдвигался вопрос об условиях капитуляции Италии и обращении с этой страной. С учетом того, что Италия была главным союзником фашистской Германии в Европе и первым крупным государством, выходящим из войны, вопрос этот имел принципиальное значение.

Хотя Италия находилась в сфере действия англо-американских войск, участие СССР в решении этого вопроса представлялось необходимым не только в Москве, но также в Лондоне и Вашингтоне. Оно предусматривалось условиями союзного советско-английского договора 1942 г., и дипломаты союзников понимали опасность грубого отстранения Советского Союза от итальянских дел, призывая по крайней мере своевременно информировать Москву о своих действиях в Италии. Иначе, предупреждал посол США в Москве У. Стэндли, у советского руководства будут основания считать, что «к нему относятся не в духе сотрудничества»⁷⁰. Речь шла не только о союзническом долге, но и о том, что исключение СССР могло создать опасный прецедент на будущее для самих западных союзников. «Когда наступит перелом и русские армии начнут продвигаться вперед, нам тоже захочется влиять на условия капитуляции и оккупации враждебной и союзной территории», — писал из Лондона посол США Дж. Вайнант⁷¹. В то же время союзники стремились свести советское участие в итальянских делах к минимуму, дабы сохранить свое преимущественное влияние в Италии.

А. Иден в контактах с временным поверенным в делах СССР в Лондоне А. А. Соболевым обещал, что «до сообщения условий (капитуляции). — *Прим. ред.*) итальянцам они будут сообщены советскому правительству и обсуждены с ним в полном согласовании с англо-советским договором о союзе»⁷². У самого А. А. Соболева, однако, сложилось впечатление, что эти заверения даются «для отвода глаз» и что на самом деле «имеет место сговор и согласование условий между британским и американским правительствами, а потом, когда эти условия будут окончательно сформулированы и согласованы, в самый последний момент они будут предложены советскому правительству для рассмотрения»⁷³.

Д. Эйзенхауэр

Г. Макмиллан

30 июля 1943 г. британское правительство в памятной записке информировало Москву о предварительных условиях капитуляции Италии. Хотя они были разработаны без советского участия, правительство СССР не стало против них возражать, поручив главнокомандующему на Средиземноморском театре генералу Д. Эйзенхауэру подписать их от своего имени⁷⁴.

3 августа 1943 г. А. Керр передал В. М. Молотову так называемые «краткие условия» капитуляции, касавшиеся военных вопросов. Однако на этом консультации прекратились, хотя события вокруг капитуляции Италии стремительно развивались. Англо-американцы стремились минимизировать свои потери за счет сделки с любыми итальянскими властями, способными обеспечить вывод Италии из войны. Безо всяких консультаций с Москвой союзники де-факто признали правительство П. Бадольо, вступив с ним в переговоры о капитуляции. Это вызывало в Москве понятное недовольство и подозрительность. Только 18 августа Ф. Рузвельт и У. Черчилль направили И. В. Сталину послание с информацией о ходе переговоров с П. Бадольо и новых условиях капитуляции. К тому же при передаче послания в нем оказались пропуски, затруднявшие его понимание.

Реакция Москвы была весьма резкой. В ответном послании Ф. Рузвельту и У. Черчиллю И. В. Сталин выразил крайнее недовольство недостаточной информированностью советской стороны о действиях союзников в Италии, почти дословно используя фразеологию депеши А. А. Соболева. «До сих пор, — писал он, — дело обстояло так, что США и Англия сговариваются, а СССР получал информацию о результатах сговора двух держав в качестве третьего пассивного наблюдающего. Должен Вам сказать, что терпеть дальше такое положение невозможно». Для исправления ситуации глава советского правительства предложил «создать военно-политическую комиссию из представителей трех стран — США, Великобритании и СССР — для рассмотрения вопросов о переговорах с различными правительствами, отпадающими от Германии», и прежде всего с Италией, расположив комиссию на первое время на Сицилии⁷⁵.

П. Бадольо

Резкий тон сталинского послания, по словам А. Идена в беседе с И. М. Майским, «вызвал сильное раздражение у Черчилля и Рузвельта, и ему, Идену, будто бы пришлось затратить немало усилий на то, чтобы смягчить такое их настроение. Я ответил, — продолжал в своей телеграмме И. М. Майский, — что если бы Черчилль или Рузвельт могли прикоснуться к «советской земле» нынешним летом и пощупать политический пульс нашего народа, то они пришли бы к выводу, что т. Сталин говорил еще слишком мягко в своих выражениях»⁷⁶.

Однако, несмотря на свое недовольство, союзники были вынуждены согласиться с законным требованием лидера СССР. Хотя советское участие в такой комиссии может стать «помехой», телеграфировал А. Идену посол А. Керр, «допуск советского правительства в создаваемые нами органы откроет дверь для нас и американцев, когда придет время определять будущее Финляндии и Восточной Европы»⁷⁷. Британский кабинет также одобрил эту идею и поручил У. Черчиллю проинформировать об этом И. В. Сталина, что и было сделано в совместном послании лидеров Великобритании и США от 29 августа 1943 г.

Дав принципиальное согласие на создание военно-политической комиссии по Италии, союзники не спешили с реализацией этой идеи. Они всячески затягивали решение данного вопроса, а также стремились заранее ограничить юрисдикцию и полномочия будущего органа, особенно в военных делах. Об этом свидетельствовали послания У. Черчилля и Ф. Рузвельта И. В. Сталину от 4 сентября. Президент США, в частности, предлагал послать советского представителя в штаб Д. Эйзенхауэра. Это предложение было нацелено на то, чтобы создать впечатление советского участия в итальянских делах, а возможно, и вообще снять вопрос о комиссии с повестки дня.

В ответ на проволочки союзников И. В. Сталин писал: «После получения Ваших предыдущих сообщений я ожидал, что вопрос о создании военно-политической комиссии трех стран будет решен положительно и безотлагательно. Однако решение столь срочного вопроса затянулось. Дело, конечно, не в тех или иных деталях, о которых нетрудно будет сговориться. Что касается посылки советского офицера к генералу Эйзенхауэру, то она никак не может

заменить военно-политическую комиссию, которая должна была бы уже работать, а между тем ее все еще нет»⁷⁸.

8 сентября 1943 г. под давлением союзников правительство П. Бадольо объявило о капитуляции Италии. Это объявление было приурочено к высадке англо-американских войск в Салерно (операция «Аваланш») с тем, чтобы исключить сопротивление итальянских войск и повернуть их против немцев. Условия перемирия были согласованы Соединенными Штатами, Советским Союзом и Великобританией. В ответ на капитуляцию Италии войска вермахта быстро заняли Рим, а правительство П. Бадольо бежало на юг страны под защиту союзников. Высадка прошла успешно, но вскоре ввиду упорного сопротивления свежих частей вермахта и ошибок англо-американского командования продвижение союзников захлебнулось.

Начало «Аваланша», заставившего немцев перебросить в Италию дополнительные крупные резервы, было хорошей новостью для СССР, хотя эта передислокация еще не затронула силы вермахта на советско-германском фронте. В своем поздравлении союзникам И. В. Сталин отметил их вклад в облегчение положения Красной армии. Боевые успехи сопутствовали и советским вооруженным силам: 16 сентября был взят Новороссийск — один из последних опорных пунктов вермахта на Кавказе. Военные успехи улучшали общую атмосферу союзных отношений, создавая благоприятный фон для предстоящих встреч представителей трех великих держав.

Настойчивость советской дипломатии в вопросе о создании военно-политической комиссии по Италии принесла свои плоды. После внутренних консультаций У. Черчилль и Ф. Рузвельт ускорили работу по созданию трехсторонней комиссии, определившись с составом и полномочиями нового органа, которые они постарались свести к чисто совещательным функциям. У. Черчилль назначил британским членом комиссии своего представителя при штабе Д. Эйзенхауэра Г. Макмиллана, а Ф. Рузвельт — известного дипломата Р. Мэрфи. По инициативе У. Черчилля и с согласия Москвы и Вашингтона в состав комиссии был также приглашен представитель французского Комитета национального освобождения. Советским представителем в комиссии был назначен первый заместитель наркома иностранных дел А. Я. Вышинский, что лишний раз свидетельствовало о большом значении, которое придавалось ее работе в Москве.

Иначе подходили к этому вопросу в западных столицах. Ф. Рузвельт предложил создать в ближайшем будущем союзную комиссию под началом генерала Д. Эйзенхауэра, которая бы наделалась широкими контрольными полномочиями в отношении правительства П. Бадольо и, по существу, выхолащивала функции трехсторонней военно-политической комиссии по Италии. Советское руководство выразило несогласие с этой идеей и настаивало на передаче всех контрольных полномочий (за исключением руководства военными операциями) военно-политической комиссии⁷⁹. Такое решение предоставило бы Советскому Союзу реальное участие в важнейших итальянских делах на равных с США и Великобританией. Однако именно поэтому данный вариант явно не устраивал западных союзников. У. Черчилль на заседании кабинета отметил, что советское предложение подчинить союзную комиссию трехсторонней комиссии «для нас явно исключено»⁸⁰.

Хотя англо-американцы «хотели бы избежать создания исключаящего прецедента, который Сталин мог бы затем использовать против них, опасность допуска русских в Италию представлялась слишком большой, особенно с учетом сильного влияния итальянских коммунистов»⁸¹. Информирование советской стороны об этой американской инициативе носило чисто формальный характер, поскольку еще до получения советского ответа Ф. Рузвельт уже направил соответствующую директиву Д. Эйзенхауэру⁸². Это предвещало дальнейшие разногласия между союзниками по итальянским делам.

13 октября 1943 г. Италия, наконец, объявила войну Германии, и в тот же день была опубликована «Декларация о признании Италии совместно воюющей стороной», инициированная союзниками и согласованная с Москвой. В ней одобрялось это решение правительства П. Бадольо и говорилось о готовности сотрудничать с ним, в то же время признавалось право итальянского народа на последующее изменение своего политического строя. При этом подписанные ранее условия капитуляции Италии полностью сохраняли свою силу.

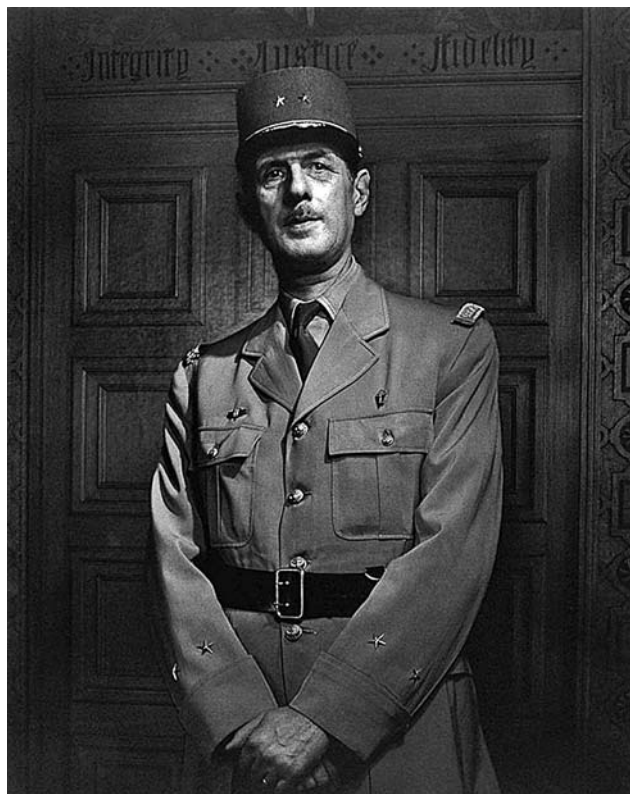

Высадка союзных войск в Италии. Салерно, 1943 г.

Тем временем союзники продолжали курс на сведение к минимуму реальных полномочий трехсторонней комиссии по Италии, вскоре переименованной в Консультативный совет по вопросам Италии. В нахождении для этого благовидных предлогов американская дипломатия проявляла даже большее усердие, чем британская. 14 октября НКВД получил меморандум посольства США, в котором предлагалось «пойти навстречу» просьбам Китая, Бразилии, Греции и Югославии о включении их в состав этой комиссии⁸³. Комментируя эту инициативу в своем кругу, У. Черчилль иронически писал А. Идену: «Госдепартамент теперь атакует эту комиссию с другой стороны, предлагая включить в нее Китай и Бразилию. Это, конечно, смехотворно, но, вероятно, нацелено на то, чтобы убить ее»⁸⁴.

В послании И. В. Сталину от 16 октября 1943 г. Ф. Рузвельт стремился оправдать такое расширение разделением членов комиссии на трех учредителей и остальных. И. В. Сталин ответил на него сухим согласием на снижение статуса французского представительства в комиссии. В последующем союзники продолжили свою линию на умаление роли СССР в итальянских делах, а И. В. Сталин умело использовал этот прецедент для обеспечения преимущества советских позиций в союзных контрольных органах в Венгрии, Болгарии и Румынии.

Важным направлением советской внешней политики было укрепление отношений с французским Сопротивлением в лице организации «Сражающаяся Франция» и ее лидера генерала Ш. де Голля. Ф. Рузвельт и У. Черчилль относились к нему с большой неприязнью, считая неуправляемого генерала сумасбродным карьеристом, не имеющим прочной поддержки

Ш. де Голль

в самой Франции и критически настроенным в отношении англосаксов. Англо-американцы делали главную ставку на более послушную и предсказуемую фигуру — главнокомандующего французской армией генерала А. Жиро. В конце мая У. Черчилль даже предложил своему кабинету обсудить, «не стоит ли нам устранить де Голля как политическую силу и поставить этот вопрос перед парламентом и самой Францией»⁸⁵. Американский президент был настроен еще более нетерпимо. «Рузвельт потерял терпение (и благоразумие) в отношении де Голля, — записал в дневнике А. Кадоган, — он требует его голову на блюде. Премьер-министр, естественно, склонен его поддержать. Все это, конечно, крайне неразумно»⁸⁶. Британские и американские дипломаты не разделяли острой неприязни своих лидеров к Ш. де Голлю и стремились ее сглаживать.

Советское руководство относилось к организации Ш. де Голля гораздо более позитивно. Еще в марте 1942 г. в Москве появилась «миссия связи» «Свободной Франции» во главе с Р. Гарро. Летом того же года движение «Свободная Франция» было переименовано в «Сражающуюся Францию», а ее Национальный комитет — во Французский национальный комитет, который обратился к союзникам с просьбой о признании. Москва заявила о своем согласии, но союзники заблокировали этот шаг. Идя навстречу предложениям Ш. де Голля об участии его организации в совместной борьбе со странами оси, советское руководство одобрило создание французского авиаотряда на территории СССР.

25 ноября 1942 г. в Москве было подписано «Соглашение между представителями командования Красной армии и представителями военного командования «Сражающейся Франции» об участии французских ВВС в операциях в Советском Союзе». Оно предусматривало формирование французской эскадрильи «Нормандия — Неман», которая комплектовалась

Командир эскадрильи «Шербур» полка «Нормандия — Неман» и его советские товарищи у истребителя Як-9

из прибывших в СССР французских летчиков и обеспечивалась всем необходимым (включая боевые самолеты) за счет советской стороны⁸⁷. Полк «Нормандия» впоследствии прошел славный боевой путь от Орла до Кёнигсберга, участвовал в битве на Курской дуге. Хотя его вклад в общее дело был весьма скромным, советско-французское братство по оружию имело большое политическое значение, в том числе для авторитета самой «Сражающейся Франции». «Может быть, это капля воды в океане, — говорил при создании эскадрильи Р. Гарро, — но сердца всей французской нации с нашими солдатами, которые будут сражаться вместе со своими русскими братьями»⁸⁸.

Помимо военной помощи, СССР оказывал «Сражающейся Франции» и скрытую политическую поддержку через Коминтерн, настраивая французскую компартию на сотрудничество с Ш. де Голлем в целях объединения всех антифашистских сил Франции. 27 января 1943 г. Сталин прямо заявил в беседе с Р. Гарро, что он «никогда не признает другой Франции», кроме «Сражающейся Франции»⁸⁹. Такая позиция объяснялась тем, что в Москве видели в Ш. де Голле и его организации демократическую и независимую политическую силу, настроенную на решительную борьбу с фашистской Германией. Подобный настрой подогревался действиями США и Великобритании, которые воспринимались в Москве с опасениями. Поступавшие по каналам разведки донесения говорили о том, что «в результате визита А. Идена (в Вашингтон в марте 1943 г. — *Прим. ред.*) между Англией и США достигнута полная договоренность по французскому вопросу. Правительства обеих стран недовольны позицией де Голля из-за его усиливающегося стремления играть большую политическую роль в послевоенной Франции. Обе стороны доверяют больше Жиро, лишенному политических амбиций. Англия и США решили добиться соглашения между Жиро и де Голлем, имея в виду, однако, не дать последнему возможность играть доминирующую роль в этом соглашении»⁹⁰.

Однако тенденция к объединению французского Сопротивления вокруг организации Ш. де Голля набирала силу. В мае 1943 г. в Париже был создан подпольный Национальный совет Сопротивления, объявивший Ш. де Голля «единственным руководителем французского Сопротивления». Последующие переговоры между Ш. де Голлем и генералом А. Жиро привели к формированию в Алжире Французского комитета национального освобождения (ФКНО) в качестве «центральной французской власти». Комитет, руководство которым Ш. де Голль на первых порах разделял с А. Жиро, обратился к Объединенным Нациям с просьбой о своем официальном признании в качестве единственного законного представителя Франции.

Выбор советского правительства был ясен. В ориентировке А. Е. Богомолу от 16 июня 1943 г. В. М. Молотов подчеркивал необходимость поддержки Ш. де Голля, так как он твердо отстаивает политику восстановления республиканской Франции с ее демократическими традициями. 19 июня В. М. Молотов в письме британскому послу А. Керру заявил о готовности советского правительства признать ФКНО. Задержка в его признании, подчеркивал нарком, «отнюдь не может служить облегчению дела сплочения антигитлеровских французских сил»⁹¹.

Однако британское правительство при поддержке Белого дома не только отказалось это сделать, но и попросило Москву последовать своему примеру⁹². В послании от 23 июня У. Черчилль призвал И. В. Сталина повременить с признанием ФКНО, мотивируя это сомнениями англо-американского командования относительно дальнейших намерений Ш. де Голля. Посол США в Москве У. Стэндли получил аналогичное указание Госдепартамента для передачи В. М. Молотову, в котором говорилось, что признание ФКНО «было бы крайне нежелательным и даже вредным с точки зрения наших общих военных усилий против стран оси»⁹³.

О том, как расценили это послание в Москве, ясно говорит ориентировка В. М. Молотова для А. Е. Богомолова: «Как Вы видите, англичане и американцы продолжают откладывать признание Комитета, добиваясь, возможно, полного подчинения де Голля Жиро, то есть по существу — подчинения своей линии в вопросе об отношении к Французскому комитету и французским делам вообще или же устранения де Голля»⁹⁴.

Однако из уважения к союзникам И. В. Сталин согласился не надолго отложить официальное признание ФКНО, оставаясь тем не менее на своей принципиальной позиции в оценке его деятельности. «Советское правительство, — отвечал он У. Черчиллю, — не располагает в настоящее время информацией, которая могла бы подтвердить нынешнюю позицию британского правительства относительно Французского комитета национального освобождения и, в частности, относительно генерала де Голля. Поскольку, однако, британское правительство просит отложить признание Французского комитета и дало через своего посла заверение, что без консультации с советским правительством не будет предпринято никаких шагов в этом деле, советское правительство готово пойти навстречу британскому правительству»⁹⁵.

Одновременно с целью выяснения обстановки, сложившейся в Алжире вокруг Ш. де Голля и А. Жиро, советское руководство решило направить туда посла А. Е. Богомолова. Но Лондон и Вашингтон, опасаясь советского участия в их отношениях с ФКНО и укрепления позиций Ш. де Голля в результате этого визита, воспротивились этой миссии.

И. М. Майский в Лондоне получил сообщение союзников о том, что «поездка Богомолова в Алжир нежелательна в настоящее время» ввиду сложности военной обстановки⁹⁶. Аналогичные разъяснения получил в Вашингтоне и А. А. Громыко от госсекретаря К. Хэлла, который заявил, что «поскольку визит Богомолова в Алжир связан с политической ситуацией, он почти наверняка осложнил бы и без того деликатную политическую обстановку в ущерб предстоящим военным операциям»⁹⁷. Неубедительность подобного отказа лишь усиливала подозрения в Москве относительно подлинных намерений союзников в этом важном вопросе. Отложив миссию А. Е. Богомолова, советское руководство тем не менее установило прямой контакт с Ш. де Голлем в Алжире, направив туда советского разведчика И. И. Агаянца как представителя международной Комиссии по репатриации, имевшей свое отделение в Алжире⁹⁸.

Окончательно вопрос об официальном признании ФКНО был решен лишь в конце лета 1943 г., когда 26 августа под давлением СССР и после взаимного согласования союзники объявили об этом публично. Но США сделали это с существенными оговорками, признав ФКНО «как орган, управляющий теми французскими территориями, которые признают его власть». Сходным образом сформулировала свою позицию и Великобритания. Москва же заявила о своем безоговорочном признании ФКНО «как представителя государственных интересов Французской республики и руководителя всех французских патриотов, борющихся против гитлеровской тирании»⁹⁹.

Как писал впоследствии в своих мемуарах сам Ш. де Голль, «Вашингтон счел нужным ограничиться самым сдержанным заявлением... Лондон прибег к тем же выражениям... Москва проявила настоящую широту»¹⁰⁰. В октябре полномочным представителем СССР при ФКНО был назначен А. Е. Богомолов. Тогда же страны обменялись официальными военными миссиями, образованными в Москве и Алжире.

Хотя это еще не означало установления межгосударственных отношений, поддержка Советского Союза сыграла важную роль в дальнейшем укреплении позиций ФКНО как вне Франции, так и внутри нее. Вместе с тем советская дипломатия умело сочетала поддержку Ш. де Голля и его организации с необходимостью согласования этой своей линии с западными союзниками. Она подталкивала их к более активной поддержке ФКНО и в то же время не шла на поводу у амбициозного Ш. де Голля. Генерал и его окружение, сообщал из Алжира А. Е. Богомолов, «хотят признания Национального комитета временным французским правительством до освобождения Франции и нащупывают наше отношение к этому вопросу. Союзники до открытия ими сколько-нибудь серьезных военных действий в Европе хотят спихнуть де Голля и заменить его более слабым политическим деятелем»¹⁰¹. Советская формула признания комитета, уточнил В. М. Молотов на встрече с Р. Гарро в начале ноября, «означает, что мы еще не считаем комитет французским правительством, но видим в нем зародыш французского правительства»¹⁰².

Перелом в ходе войны, наметившийся уже после Сталинградской битвы, ставил перед советским руководством новые задачи по закладыванию основ послевоенного порядка в Европе. Эта проблематика стала активно обсуждаться и в англо-американских переговорах, прежде всего во время визита в США А. Идена (19 марта — 4 апреля 1943 г.). Союзники скупно информировали Москву об их содержании, заверяя в отсутствии планов каких-либо закулисных сделок за спиной СССР. В Москве относились к этим заверениям с понятной настороженностью, тем более что одной из идей, активно обсуждавшихся в западных политических кругах, было создание конфедеративных объединений в Восточной Европе. В Москве расценивали такие проекты как попытку возрождения пресловутого санитарного кордона на западных границах Советского Союза. «Идея конфедерации рассматривается советскими кругами не только как безжизненная, но и как вредная и опасная для нашего общего дела борьбы с немецким засильем в Европе, — говорилось в указании В. М. Молотова И. М. Майскому от 11 марта 1943 г. — С другой стороны, советские круги учитывают заинтересованность славянских народов в укреплении своих взаимоотношений, и советским кругам было бы понятно, если бы это нашло свое выражение в заключении между этими народами пакта о взаимопомощи как на время войны с Германией и ее союзниками, так и на послевоенный период»¹⁰³.

Таким образом, советское правительство продолжало рассматривать двусторонние и коллективные договоры о взаимопомощи как основу обеспечения совместной борьбы с фашизмом и послевоенной безопасности. Однако на сей раз к чисто геополитическим соображениям добавлялись и национально-исторические, основанные на идее славянской солидарности, которая заметно укрепилась в годы войны. Славянские народы Европы стали основными жертвами германской агрессии и сформировали наиболее массовое движение Сопротивления. Стремление к объединению их усилий в борьбе против фашистской тирании и ликвидации ее рецидивов после войны было вполне естественным, и Советский Союз как самая могущественная славянская держава мог реально претендовать на лидирующую роль в этом процессе.

Э. Бенеш

М. И. Калинин, К. Е. Ворошилов, И. В. Сталин, Э. Бенеш

20 марта 1943 г. в ходе встречи с А. Е. Богомолвым чехословацкий премьер Э. Бенеш впервые выступил с инициативой заключения пакта о взаимопомощи с СССР на время войны и послевоенный период по типу советско-английского договора 1942 г. Кроме того, Э. Бенеш предложил заключить и трехсторонний договор с участием Польши. Москва положительно откликнулась на первое предложение, сочтя второе несколько преждевременным.

Начался процесс согласования содержания двустороннего договора по дипломатическим каналам. Однако вскоре он натолкнулся на сопротивление британской дипломатии. Стремясь сохранить свои особые позиции в Европе и вынашивая идею сколачивания под своей эгидой послевоенного западного блока, Лондон отнюдь не был заинтересован в создании системы коллективной безопасности на континенте с опорой на СССР. Позиция Вашингтона была более терпимой: американцев устраивало, что договор не предусматривал никакого советского вмешательства во внутренние дела Чехословакии, ограничивая ее зависимость от Советского Союза сферой безопасности. Неслучайно во время своего майского визита в США Э. Бенеш не встретил со стороны Ф. Рузвельта возражений против заключения договора с СССР. Но Лондон не оставлял попыток блокировать такое соглашение.

В конце июня Э. Бенеш информировал А. Е. Богомолва о том, что А. Иден возражает против заключения советско-чехословацкого договора, мотивируя это наличием некоего «молчаливого джентльменского соглашения» между СССР и Великобританией о том, что они не будут заключать никаких договоров с малыми странами по послевоенным вопросам без взаимного согласования¹⁰⁴.

А. Иден назвал этот принцип «самоограничением» великих держав. Подобная мотивировка была явной натяжкой, поскольку, хотя этот вопрос и обсуждался во время визита В. М. Молотова в Лондон летом 1942 г., никакого соглашения на этот счет достигнуто не было. «Иден передергивает», — резко отреагировал В. М. Молотов в телеграмме А. Е. Богомолву¹⁰⁵. Советская сторона стремилась сохранить свободу рук в заключении подобных договоров с соседними малыми странами, не ставя это в зависимость от согласований с Лондоном и Вашингтоном. Истинная причина вмешательства англичан, как писал в НКВД заместитель А. Е. Богомолва П. Д. Орлов, «определяется их большой боязнью того, что вслед за Чехословакией по ее пути могут последовать и другие страны, что, конечно, не в английских интересах»¹⁰⁶. Обструкционистская позиция А. Идена получила поддержку британского кабинета и самого У. Черчилля.

Нажим англичан поставил правительство Э. Бенеша в сложное положение. Не желая отказываться от своей инициативы, оно в то же время опасалось испортить отношения с британским союзником, оказывавшим покровительство и финансовую поддержку эмигрантскому правительству Чехословакии. Поэтому Э. Бенеш стал откладывать свой визит в СССР, выжидая, чтобы Москва и Лондон сами урегулировали свои разногласия по данному вопросу. «Его (Э. Бенеша. — *Прим. ред.*) сомнения — это просто страх перед англичанами, которые могут ему сильно напортить и у которых он сидит в кармане», — сообщал в НКВД после очередной беседы с премьером А. Е. Богомолв¹⁰⁷. В Москве проявили гибкость и согласились повременить с визитом, рассчитывая тем временем смягчить позицию Лондона. Однако переписка между НКВД и британским МИДом по данному вопросу не дала ощутимого результата¹⁰⁸. А. Иден продолжал упорствовать, препятствуя в том числе опубликованию уже подготовленного проекта договора в печати. Глава британской дипломатии, по словам Э. Бенеша в беседе с советским представителем, имел установку: «Против договора не возражать, но немедленному подписанию всячески препятствовать, так как за Чехословакией могут последовать другие»¹⁰⁹.

Как и в случае с ФКНО, советская дипломатия придерживалась последовательной самостоятельной линии в этом вопросе. Она активно добивалась согласия англичан на заключение союзного договора с Чехословакией и в то же время воздействовала на колеблющегося Э. Бенеша с «целью затруднить ему отступление от прежде занятой им позиции», как говорилось в указаниях наркома иностранных дел А. Е. Богомолву¹¹⁰.

Окончательно сломить сопротивление англичан удалось только на Московской конференции министров иностранных дел союзных держав в октябре 1943 г. После ее завершения

состоялся визит Э. Бенеша в Москву, во время которого 12 декабря 1943 г. и был подписан советско-чехословацкий договор о взаимопомощи. Он был составлен по типу советско-английского договора 1942 г. и предусматривал оказание помощи (в том числе военной) в случае угрозы агрессии со стороны Германии или другого государства. Подписание договора стало крупной победой советской дипломатии, закрепившей советско-чехословацкое сближение на годы вперед. «Чехословацкая модель» наряду с советско-английским договором 1942 г. могла стать прообразом новых отношений между СССР и европейскими странами на послевоенный период.

Успехи Красной армии под Сталинградом и на Курской дуге дали мощный импульс движению Сопротивления, прежде всего в оккупированных Германией и Италией странах Европы. В Югославии, Албании, Болгарии началось формирование национально-освободительных армий на базе партизанских отрядов.

Наибольший размах вооруженное сопротивление приняло в Югославии, Национально-освободительная армия которой уже к концу 1942 г. насчитывала почти четверть миллиона человек. Ее главной организующей силой стала компартия Югославии, а признанным лидером — Иосип Броз Тито. СССР развернул широкую программу военной помощи югославскому Сопротивлению. С начала 1944 г. и до конца войны Народно-освободительная армия Югославии (НОАЮ) получила вооружение для 12 пехотных и двух авиационных дивизий, включая 491 самолет, 895 артиллерийских орудий, 65 танков Т-34¹¹¹.

Вместе с тем Москва сдерживала И. Б. Тито в его борьбе за власть с югославским королем и эмигрантским правительством, не желая обострять отношения с союзниками и ослаблять общий фронт антифашистских сил в стране. В связи с созданием НОАЮ Г. Димитров рекомендовал И. Б. Тито учитывать, что «Советский Союз находится в договорных отношениях с югославским королем и правительством и что открытое выступление против последних создаст добавочные трудности в деле общих военных усилий и во взаимоотношениях между Советским Союзом, с одной стороны, и Англией и Америкой, с другой стороны»¹¹².

В Албании вооруженное сопротивление было направлено против итальянских оккупационных войск. СССР последовательно выступал поборником свободы и независимости оккупированных стран. В декабре 1942 г. советское правительство выступило с декларацией «О независимости Албании», в которой выражалась уверенность в том, что «борьба албанского народа за свою независимость сольется с освободительной борьбой других угнетаемых итало-германскими оккупантами балканских народов, которые в союзе со всеми свободолюбивыми странами изгонят захватчиков со своей земли. Вопрос о будущем государственном строе в Албании является ее внутренним делом и должен быть решен самим албанским народом»¹¹³. Изложенные в этом документе демократические принципы впоследствии стали основой всей советской программы в отношении поработанных фашистами стран.

Очередное англо-американское совещание по вопросам стратегии ведения войны, назначенное на август 1943 г. в канадском Квебеке (кодовое название «Квадрант»), союзники решили провести без участия и даже без формального приглашения на него СССР. Посол А. Керр, правда, рекомендовал заблаговременно информировать И. В. Сталина о предстоящем совещании и пригласить его или В. М. Молотова в Квебек, а в случае отказа советской стороны предложить приезд А. Идена в Москву после «Квадранта» для информирования о его решениях. Он объяснял затянувшееся молчание И. В. Сталина в переписке с У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом недовольством отстранения СССР при принятии ключевых военно-политических решений¹¹⁴.

Сам А. Иден предложил премьер-министру другой вариант — информировать Москву о предстоящей встрече и «дать Сталину или Молотову шанс принять в ней участие» с уверенным расчетом на их самоотвод¹¹⁵. Однако У. Черчилль выступил категорически против и этого символического жеста. 1 августа 1943 г. он телеграфировал А. Идену: «Не может быть и речи о приглашении русских на эту встречу, которая служит продолжением наших обсуждений в начале года, была заложена в тогдашних решениях и к тому же имеет дело в основном с проблемами войны против Японии, в которой Россия не является воюющей стороной». Премьер мотивировал это нежеланием ставить под угрозу конфиденциальность англо-американских консультаций¹¹⁶.

И. Б. Тито

В итоге 7 августа на имя И. В. Сталина было направлено послание британского правительства, в котором сообщалось о предстоящей англо-американской встрече, содержалось обещание информировать советское правительство обо всех ее решениях, касающихся Европейского театра, и повторялось предложение У. Черчилля о встрече трех лидеров в Скапа-Флоу (Шотландия) или «в любом месте, которое удобно маршалу и президенту»¹¹⁷.

Это послание и послужило поводом для сталинского ответа премьеру от 9 августа. Ф. Рузвельту он ответил днем раньше, вежливо забрав назад свое предложение о летней встрече с президентом за пределами СССР, переданное через Дж. Дэвиса. И. В. Сталин объяснял свой отказ занятостью делами фронта, что в условиях развернувшегося советского наступления звучало вполне правдоподобно. Но главным, пожалуй, было то, что «Сталин не хотел идти на трехстороннюю встречу с пустыми руками. Ему нужны были впечатляющие победы на советско-германском фронте, чтобы при встрече с Рузвельтом и Черчиллем можно было жестко и уверенно ставить важнейшие военно-политические вопросы, по которым союзники не имели согласия»¹¹⁸.

Однако отказ от встречи на высшем уровне нужно было как-то смягчить. Наконец, ясно понимая всю важность такой встречи и будучи чужд импровизациям, И. В. Сталин хотел как следует подготовить ее и в дипломатическом отношении. Неслучайно в составленный В. М. Молотовым проект послания Ф. Рузвельту он собственноручно добавил четыре последних абзаца, предложив провести встречу «ответственных представителей» обеих стран с возможным подключением англичан¹¹⁹. При этом, правда, оставалось не совсем ясным, какой именно уровень представительства имелся в виду.

Но уже на следующий день у И. В. Сталина, видимо, окончательно созрела мысль о проведении совещания представителей всех трех держав до встречи большой тройки. В его послании У. Черчиллю от 9 августа тезис об откладывании встречи на высшем уровне сочетался со вполне определенным предложением: «Тем не менее, чтобы не откладывать выяснения вопросов, интересующих наши страны, целесообразно было бы организовать встречу ответственных представителей наших государств, причем о месте и времени такой

встречи можно было бы договориться в ближайшее время»¹²⁰. Так появилась идея проведения совещания министров иностранных дел, которая вскоре начала воплощаться в жизнь. Тем не менее в западной (а иногда и российской) литературе авторство этой идеи ошибочно приписывается англо-американцам.

В Лондоне и Вашингтоне, где были встревожены долгим молчанием Москвы и ожидали ее негативной реакции на свои новые сепаратные переговоры, вздохнули с облегчением: «Оно (послание И. В. Сталина. — *Прим. ред.*) гораздо лучше, чем я смел надеяться, и серьезно разряжает обстановку, — телеграфировал А. Иден премьеру У. Черчиллю в Квебек. — Нам, видимо, следует сразу же согласиться на такую встречу в принципе, а время, место, повестку дня и состав участников определить позднее»¹²¹. Рекомендации А. Идена британскому премьеру были одобрены на заседании кабинета 11 августа. Министры «выразили общее удовлетворение тоном и содержанием послания премьера Сталина»¹²².

Посол США в Лондоне Дж. Вайнант в тот же день сообщал в Вашингтон, что сталинская идея встречи второго уровня была сразу же подхвачена в Форин-офисе как «крайне полезная» и руководство министерства уже начинало продумывать ее содержание¹²³. Одним из мотивов столь быстрой положительной реакции было желание сгладить негативный общественный резонанс вокруг отсутствия СССР на «Квадранте». «Тот факт, что Россия не будет представлена на предстоящем совещании в Канаде, наверняка станет предметом публичного обсуждения, — говорилось в решении упомянутого заседания кабинета. — Поэтому стоит ускорить подготовку конференции, предложенной премьером Сталиным»¹²⁴. В совместном послании от 29 августа Ф. Рузвельт и У. Черчилль выразили полное согласие с его предложениями.

Но еще до этого решения оба лидера направили И. В. Сталину другое совместное послание — об итогах «Квадранта», подготовленное Объединенным комитетом начальников штабов (ОКНШ)¹²⁵. На совещании в Квебеке (14–24 августа 1943 г.) союзники в развитие «Трайдента» договорились о приоритете подготовки вторжения на север Франции при продолжении операций в Средиземноморье с целью окончательно оторвать Италию от стран оси и оккупировать ее.

Планы операции «Оверлорд» стали обретать конкретные очертания. После захвата плацдарма предполагалось расширить его за счет переброски на континент 3–5 новых дивизий ежемесячно. Попытки У. Черчилля перенести основной упор на военные действия в Италии и захват островов в Эгейском море для выхода на Балканы были отвергнуты американской стороной. Информирова И. В. Сталина о принятых в Квебеке решениях, союзники умалчивали о заключении там секретного соглашения по продолжению англо-американского сотрудничества в области создания атомного оружия, разработка которого должна была оставаться в глубокой тайне от советского лидера. Однако И. В. Сталин не стал отвечать на это послание союзников.

Воздействие битв и сражений, изменивших ход войны на международное положение и внешнюю политику СССР

Колоссальные изменения, произошедшие в ходе войны в течение 1943 г., оказали глубокое воздействие на внешнюю политику и дипломатию СССР. Главным сдвигом стало резкое усиление международных позиций Советского Союза. «Завершение грандиозной русской победы в Сталинграде изменило всю картину войны и перспективы ближайшего будущего. В результате одной битвы, которая по времени и невероятному количеству потерь была фактически равна крупной войне, Россия стала в ряды великих мировых держав»¹²⁶. Коренной перелом в войне создавал новую расстановку сил внутри большой тройки. Становилось

ясно, что Советский Союз сможет теперь не только разбить основные силы вермахта, но и выйдет из войны новой великой державой с заметно укрепившимися позициями в мире. К этому сводились прогнозы как военных, так и гражданских экспертов США, еще недавно прорабатывавших сценарии последствий «падения России».

«Если СССР выйдет из этой войны покорителем Германии, — писал летом 1943 г. один из основоположников современной геополитики Г. Маккиндер, — он станет самой мощной сухопутной державой мира». И что еще важнее, Советский Союз будет контролировать «величайшую естественную крепость Земли» — евразийский «хартлэнд»¹²⁷.

«Когда Германия будет разгромлена, — подчеркивалось в меморандуме Комитета стратегического обзора (сентябрь 1943 г.), — Россия будет обладать военной машиной, которой к востоку от Рейна и Адриатики не сможет бросить успешный вызов ни одна страна или комбинация стран»¹²⁸.

Советский Союз, который на протяжении большей части межвоенного периода находился в относительной международной изоляции и рассматривался подчас как изгой Версальской системы, теперь выходил на авансцену мировой политики. Эта трансформация глобального порядка сопровождалась серьезными изменениями во внешней и внутренней политике СССР, отражалась на том, как его руководство позиционировало свое государство и как оно действовало на международной арене и внутри страны.

Международные позиции Советского Союза укреплялись. Одним из немаловажных показателей было количество государств, установивших с ним дипломатические отношения: их число к концу 1943 г. достигло 31 по сравнению с 24 в сентябре 1942 г.¹²⁹ Помимо государств Латинской Америки среди них были такие крупные страны, как Канада, Австралия, Египет. Дело было, однако, не только в количестве. В большинстве случаев эти страны сами стремились к налаживанию отношений с СССР как новой мировой державой, отказываясь от прежних претензий и условий. Когда Египет в августе 1943 г. попытался сопроводить установление дипломатических отношений обязательством Москвы не вмешиваться во внутренние дела Египта (ссылаясь на советско-английское соглашение 1921 г.), И. М. Майский, находившийся в Каире проездом в Москву, дал ясно понять: ситуация 1921 г. и та, что существует сейчас, радикально отличаются¹³⁰.

В том, что касается усиления позиций СССР в мире, серьезное значение имела и субъективная сторона дела — советское руководство ощущало себя все более уверенно. Показательно, что, обсуждая осенью 1943 г. мероприятия в связи с 26-й годовщиной Октябрьской революции, Политбюро ЦК ВКП(б) среди тем партийных докладов и бесед выделило «укрепление международного положения Советского Союза»¹³¹.

О скором поражении Германии сотрудники НКВД стали упоминать и в беседах с иностранными представителями, как, к примеру, это сделал 10 августа 1943 г. заместитель наркома иностранных дел С. А. Лозовский в разговоре с послом Китая в СССР Фу Бинчаном. Посол впервые получил такую информацию от высокопоставленного советского представителя¹³².

Превращение СССР в великую державу сопровождалось важными изменениями в характере внешней политики, ее внешнеполитическом инструментарии. Налицо была определенная «традиционализация» советской внешней политики в плане усиления ее преимущества с политикой исторической России, а также снижение роли «революционной» составляющей. Это проявлялось не только в таких официальных шагах, как роспуск Коминтерна, но и в перестройке вселенской большевистской идеологии и символики в более традиционном национально-патриотическом ключе, а также во внутренней и внешнеполитической пропаганде. Знаковым было постановление ЦК ВКП(б) от 25 сентября 1943 г. о том, что «ныне существующий гимн Советского Союза «Интернационал» не отвечает положению Советского государства»¹³³. Новый государственный гимн СССР, окончательно одобренный в декабре 1943 г., был выдержан в сугубо патриотическом ключе, что не замедлили отметить западные обозреватели. По сути, предпринималась попытка связать идеалы социализма с национально-патриотической риторикой и практикой, вписать социалистическую стадию развития в контекст исторического пути России.

США-020.

(X)

Экз. № 2 5

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

2 июня 1943 г.

Литвинов

Исх. № 1/л

ПОЛИТИКА США.

Говоря о политике США, как одной из воюющих Об'единенных наций, необходимо, конечно, различать между их военной политикой и политикой в собственном смысле слова, определяющей их дипломатические устремления. Нас в настоящее время, конечно, занимает в первую очередь военная политика, и я с нее начну.

ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА США.

При отсутствии между СССР и США какого либо органа постоянного контакта, совещательного или хотя бы информационного характера, вроде англо-американских военноморских комиссий или Тихоокеанского совета, и при сугубой секретности военного дела, у нас имеется очень мало возможностей следить за военной политикой США. К тому же стратегические планы союзников составляются и меняются в основном в Лондоне, а не в Вашингтоне.

Основной вопрос о том, придавать ли первостепенное значение борьбе против европейских членов оси или против Японии, можно было считать до настоящего времени решенным в пользу первого варианта. В печати, да и в Конгрессе, было немало статей и речей, исходящих главным образом от изоляционистов, в пользу сосредоточения военных усилий США на борьбе с Японией, но это и с военной точки зрения настолько нелепо, что вряд ли имеется много сторонников этой концепции

1985-М
2. VI. 43г.

Записка М. М. Литвинова о политике США. 1943 г.

в военном и морском ведомствах. Президент, Госдепартамент, военный и морской министры решительно против этой концепции. Отдавая некоторую дань сторонникам этой концепции и уступая довольно сильному давлению Китая и Австралии, Рузвельту приходится направлять немало военноморских и воздушных сил на театры военных действий в Тихом океане, выделяя для этого весьма значительные транспортные средства. Главнейшей же стратегической задачей для США является борьба против Гитлера, тем более, что на этой точке зрения стоит и английская стратегия.

ВТОРОЙ
ФРОНТ.

Что касается средств борьбы с Гитлером, то в первые месяцы моего пребывания в Вашингтоне, когда у меня был очень частый контакт с Рузвельтом, у меня создалось впечатление, что он целиком убежден в необходимости скорейшего открытия второго фронта и непременно в Западной Европе, но от этого убеждения его, очевидно, постепенно отклоняли некоторые его военные советники, а главным образом Черчилль. По имеющимся сведениям, Черчилль, указывая на трудность и даже опасности высадки в Западной Европе, настаивал во всяком случае на участии в этой высадке значительных американских сил. Он выдвигал это условие, зная заранее его невыполнимость, ввиду отсутствия транспортных средств для доставки в Европу значительной американской армии с необходимым снаряжением. План высадки в Северной Африке Рузвельт считает своим, но я отнюдь не уверен, что он не был подсказан ему тем же Черчиллем, потерявшим надежду на одоление Роммеля одними британскими силами.

К тому же этот план должен был похоронить на долгое время мысли о высадке на Западе. Можно, не боясь впасть в ошибку, полагать, что в вопросе о военной политике Черчилль ведет Рузвельта на буксире.

Нам известны стратегические планы, выработанные в Касабланке. Имею основание думать, что у американских, а возможно и британских, правящих кругов за последнее время возникли сомнения в целесообразности, достаточности, а может быть и выполнимости этих планов. Уэллес мне прямо говорил о предстоящем пересмотре их. Он вероятно имел ввиду предстоящий новый приезд Черчилля в Вашингтон, и поэтому надо думать, что этот пересмотр является предметом совещаний между Рузвельтом и Черчиллем в Вашингтоне.

{
Беспокоит меня, однако, прибытие с Черчиллем генерала Уэйвелла, вызывающее опасение, как бы снова не был поднят вопрос об активизации военных операций в бассейне Тихого океана. Один американский генерал говорил мне в пути, будто поездка Уэйвелла является камуфляжем для введения Гитлера в заблуждение. Сомневаюсь, чтобы это было так. Отказ от принятых в Касабланке решений отнюдь не означает высадки в других местах. Допускаю отказ для ближайшего времени от всяких высадок при усилении бомбежек в Германии и особенно в Италии, в надежде принудить последнюю к капитуляции этим путем.

Англичане и американцы будут, вероятно, ссылаться на транспортные трудности в переброске на Британские острова северо-африканских армий, считающихся наиболее боеспособными и единственно имеющими военный опыт. Я склонен думать, что на открытие второго фронта даже на Юге, а тем

2

более на Западе Европы рассчитывать не приходится без сильнейшего давления с нашей стороны.

Пробоя разделительную черту между политическими целями Англии и Америки и их стратегическими планами, необходимо иметь ввиду известное взаимодействие между теми и другими. Не подлежит сомнению, что военные расчеты обоих государств строятся на стремлении к максимальному истощению и изнашиванию сил Советского Союза для уменьшения его роли при разрешении послевоенных проблем. Открытие второго фронта в желательном нам пункте могло бы быть ускорено в случае возникновения у англичан и американцев опасений катастрофических последствий нашего единоборства с Гитлером. Наши успехи под Сталинградом и на Северном Кавказе, а также некоторые наши собственные заявления, не оставляют пока места таким опасениям. Они будут выжидать развития военных действий на нашем фронте.

2

Не могу, однако, отделаться от мысли, что при желании мы могли бы оказывать немалое влияние на стратегические планы союзников.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ США.

Переходя к политическим целям США, я должен напомнить, что эти цели не отличались ясностью и четкостью в течение всего периода между 1 и 2 мировыми войнами, особенно в отношении европейских дел. Некоторой определенностью отличалась американская политика в отношении Западного полушария и прилегающих к нему островов. Могли быть споры о том, следует ли предоставить большую или меньшую независимость Кубе, Филиппинам и Порто-Рико, но все течения политической мысли в США сходились в твердом решении отстаивать и укреплять доктрину Монро, не допус-

коть чьего бы то ни было вмешательства в дела Латинской Америки, вытеснить оттуда влияние и конкуренцию европейских стран и установить максимальный контроль США над Западным полушарием. Произвела в Америке некоторую тревогу экспансия Японии в Китае, и Американское правительство вступало с ней даже в переговоры по этому поводу. В отношении европейских же дел все президенты, начиная с Вильсона, не исключая и Рузвельта, на деле проводили политику изоляционизма. Рузвельт, который лично несомненно стоит за самое широкое участие в США в решении всех мировых проблем, делал некоторые жесты в сторону платонического сближения с Лигой наций, произносил проповеди и делал дипломатические демарши в пользу мира, участвуя даже в Брюссельской конференции в связи с нападением Японии на Китай, но воздерживался от каких бы то ни было связывающих его актов, обязательств и соглашений. Проведение акта о нейтралитете и строгое соблюдение его даже во время гражданской войны в Испании было наиболее конкретным выражением американского изоляционизма, перечеркнувшим все жесты Рузвельта в пользу европейского мира. Эта политика являлась мерой сил американского изоляционизма.

ИЗОЛЯЦИОНИЗМ.

Ошибочно думать, что изоляционизм опирается исключительно на непромышленные среднезападные штаты Америки. К изоляционистам примыкает немало крупных промышленников и финансистов. Исходят они из мысли, что США со своими богатыми минеральными и растительными ресурсами могут благополучно существовать, как замкнутое в себе государство, ведя внешнюю торговлю с другими государствами в меру сохранения высоких таможенных тарифов и совершенно

не вмешиваясь в дела остальных континентов, будучи ограждены и защищены от них двумя океанами. Крайние изоляционисты идут настолько далеко, что готовы предоставить полную свободу экспансии Японии в Азии, считая, что Китай сам не может побороть свою отсталость, и что Япония наведет там порядок, при котором легче будет Америке вести дела с Китаем, чем теперь. Более умеренные изоляционисты так далеко не идут: они несколько опасаются японской экспансии, но готовы махнуть рукой на всю Европу, предоставив ее ее собственной судьбе. Изоляционизм наряду с англо- и советофобством во внешней политике обычно сочетается с крайним консерватизмом, реакционностью и антисемитизмом во внутренней политике. В нацизме изоляционисты, как и реакционеры Англии и других стран, готовы видеть единственную контрсилу против коммунизма и потому не считают нужным с ним бороться. Небесприятна им была и борьба Гитлера с Англией. Изоляционизм был также могучим орудием борьбы против Рузвельта, а следовательно и против его внутренней политики уступок рабочему движению и сокращения прибылей крупных промышленников и банкиров. Отсутствие политической рабочей партии в США, организационная слабость либерально-радикальных кругов, наступившая после депрессии 1929-32 г.г. эра нового экономического благополучия и вытекающий отсюда политический индифферентизм широких масс, создавали благоприятную питательную среду для изоляционизма и всего с ним связанного. Считаясь с этими обстоятельствами, Рузвельт долгое время делал большие уступки изоляционизму в своей внешней политике.

Нападение Гитлера на мелкие и средние европейские страны, имеющие значительное количество выходцев в США, разгром Франции и создание непосредственной опасности существованию Англии, возросшее значение авиации, уничтожающей даже океанские пространства, побудили Рузвельта начать постепенно осторожный отход от позиций изоляционизма, выразившийся в отмене акта о нейтралитете, в уступке Великобритании военных судов в обмен на морские базы, а затем в проведении закона о Ленд-Лизе.

Нападение Японии на Перл Харбор и об'явление Америке войны Японией и Италией полностью развязали руки президенту. Не приходится сомневаться в том, что, не имея возможности вступить в войну по собственной инициативе, Рузвельт, как и его приближенные, были рады быть втянутыми в войну. Достаточно вспомнить соответственные замечания, сделанные в Кремле осенью 1941 года Гарриманом. Любопытно отметить, что когда президент мне сообщил о японском нападении по телефону через несколько часов после моего прибытия в Вашингтон, когда я находился на завтраке у Девиса, последний встретил это сообщение словами "слава богу". Изоляционисты, продолжавшие ворчать на тему о том, что участия США в войне при иной политике Рузвельта можно было бы избежать, должны были примириться с фактом и прекратить пропаганду невмешательства и пассивности.

Каковы цели, преследуемые США в настоящей войне? На этот вопрос ответить трудно при том разброде, который существует как в правящих кругах, так и в разрезе обеих политических партий.

По вопросу о международной политике нет выкристалли-
 зованной единой программы ни у республиканской, ни у де-
мократической партии. Республиканская партия, в которую
 входит большинство изоляционистов, включает также таких
 вождей, как Уилки, который фактически поддерживает внеш-
 нюю политику Рузвельта. С другой стороны, демократическая
 партия включает в себя немало изоляционистов. Приходится
 поэтому делить американских политиков, грубо говоря, на
 изоляционистов и анти-изоляционистов, причем и те и другие
 имеют, конечно, разные градации.

ПОЛИТИЧЕ-
 СКИЕ УСТ-
 РЕМЛЕНИЯ
 ИЗОЛЯЦИО-
 НИСТОВ И
 НАЦИОНА-
 ЛИСТОВ.

Не подлежит сомнению, что крайние изоляционисты, если
 не высказываются открыто, то мечтают о скорейшем прекра-
 щении войны как в Европе, так и в бассейне Тихого океана,
 путем компромиссного мира за счет Британской империи и Со-
ветского Союза. По мере затяжки войны, при отсутствии яс-
 ного перевеса той или другой воюющей стороны, эти изоля-
 ционисты становятся все смелее и откровеннее. За последнее
 время стали раздаваться голоса на тему о том, что так как
 СССР уже показал невозможность преодоления гитлеровских
 сил, а Англия и Америка - нанесения сокрушительного уда-
 ра Японии, война должна кончиться ничьей, а потому пора
 начать переговоры о мире. Более умеренные изоляционисты
 высказываются за прекращение войны в Европе, или хотя бы
 участия США в ней, при продолжении борьбы с Японией.
 Подобные высказывания сопровождаются нападками на Англию
 и СССР или только на СССР. Не примыкая к изоляционистам,
 некоторые американские националисты, не возражая против
 продолжения войны, требуют, чтобы США уже теперь обеспечи-
 ли за собой выигранные позиции, соответствующие той помощи,
 которую США оказывает другим Об'единенным нациям не только

X
 это именно?

своими военноморскими и воздушными силами, но и своей военной промышленностью на основе Ленд-Лиза. Речь идет в первую очередь об обеспечении за США господства на мировых воздушных и морских путях с получением соответствующих баз. Не прочь они поживиться за счет Британской империи, подлежащей по их мнению ликвидации или сокращению. Их мало интересуют такие вопросы, как послевоенная судьба Германии, Франции и других европейских стран. Маскируя свои истинные устремления, они часто облачаются в тогу защитников Атлантической хартии, всех и всяких громких международных этических принципов, используя их для нападков на Великобританию и на СССР. В этой маскировке они перекликаются с радикальными интеллигентскими кругами, кричащими о справедливом мире и о справедливости для всех народов, включая и германский. Однако, исчерпывающей конкретной программы послевоенного устройства изоляционисты, полуизоляционисты и националисты пока не выдвигают.

ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ
И ИНТЕЛЛИГЕНТ-
СКИЕ КРУГИ.

Промежуточные интеллигентские круги, которые оказывают некоторую поддержку изоляционистам и их лицемерной стопроцентной защите Атлантической хартии и вытекающих отсюда нападках на Великобританию и СССР, примыкают, однако, к анти-изоляционистам и рузвельтовцам в их стремлении к доведению войны до победоносного конца, до безусловной капитуляции стран Оси. В этой среде вырабатываются и пропагандируются различные конкретные программы послевоенного устройства. Наиболее полным конкретным планом территориального переустройства мира является план, выдвинутый известным

теоретиком карточной игры "бридж" Кальбертсоном. Наиболее спорным в этих кругах вопросом является устройство Германии, а именно необходимо ли ее расчлениить, или же обезвредить путем перевоспитания или другими мерами, достаточно ли ограничиться устранением нацистской верхушки или же следует признать виновным в войне весь германский народ и соответственно наказать его.

АНТИИЗОЛЯЦИОНИСТСКИЙ ЛАГЕРЬ.

В антиизоляционистском лагере тон задают, конечно, правительственные круги и рузвельтовское окружение. Их общая линия состоит в доведении войны до победоносного конца с искоренением нацизма и фашизма, по крайней мере в их нынешних формах, и в самом широком участии США в решении послевоенных проблем и в дальнейшей международной жизни. За пределами этой общей линии начинается, однако, значительное расхождение по отдельным частным вопросам.

ГОСДЕПАРТАМЕНТ И ОКРУЖЕНИЕ РУЗВЕЛЬТА.

Нельзя говорить об едином мнении по всем вопросам даже в таком правительственном органе, как госдепартамент. Формально политика госдепартамента должна определяться государственным секретарем Хэллом. В силу, однако, своей старости и личным отношений, существующих между Рузвельтом с одной стороны и помощниками госсекретаря с другой, Хэлл отнюдь не является полным хозяином в своем ведомстве. Чтобы понять это, надо иметь в виду, что к числу его помощников принадлежат такие люди как Уэллес, Берле, Брекенридж Лонг, которые, обладая лично большими средствами, иногда десятками миллионов, совершенно независимы от своей карьеры. Делая во время президентской избирательной кампании значительные денежные взносы в партийную кассу, они обес-

Ке 70...

печивают себе влияние на президента, чего нельзя сказать про Хэлла, связанного с президентом лишь партийными и идеологическими узами. Хэлл находится в неладах с некоторыми своими помощниками, и сами эти помощники между собой. Каждый старается оказывать влияние и давление на президента в пользу своих собственных теорий и концепций. Этим объясняется также то, что в окружении Рузвельта находит свое место такой человек как Берле, который, по всеобщему мнению, проводит в госдепартаменте свою линию и поддерживает контакт с наиболее реакционными элементами европейской политической эмиграции.

Следует кстати отметить, что и другие ведомства находятся под руководством таких людей, совершенно независимых от служебной карьеры, как например министр торговли - крупнейший миллионер Джессе Джонс, республиканские военный министр Стимсон, морской - Ноке (владелец газеты "Чикаго Дейли Ньюз"), крупные деятели промышленности Нельсон, Штеттиниус, Рокфеллер и другие.

Некоторое единодушие имеется в непосредственном окружении Рузвельта, к которому относятся такие люди как Гарри Гопкинс, Моргентау (хотя и состоятельный человек), член Верховного суда Франкфуртер, ньюйоркский судья Розенванд, вице-президент Уоллес, министр внутренних дел Икес, Джозеф Девис (тоже совершенно независимый и богатейший человек) и другие. Эти люди целиком поддерживают рузвельтовскую линию, либо в силу единомыслия с ним, либо в силу личной преданности ему и преклонения перед ним, но некоторые из них иногда и сами оказывают влияние на президента. С другой стороны, президент тесно сотрудничает с такими лицами как адмирал Леги и некоторые

генералы, которые держатся совершенно иного мировоззрения, чем Рузвельт.

ПОЛИТИКА
РУЗВЕЛЬТА.

В основном надо признать, что внешняя политика США определяется Рузвельтом, хотя она и претерпевает иногда в ходе осуществления некоторые изменения со стороны исполнительных органов. В определении и проведении своей политики Рузвельт опирается на прогрессивную часть промышленной и финансовой буржуазии, ищущей рынков не только за пределами США, но и вне Западного полушария. Придерживаясь буржуазно-радикального мировоззрения, Рузвельт находит поддержку и среди промежуточных и интеллигентских слоев буржуазии и в наиболее передовой рабочей среде. Он честолюбив и стремится создать себе крупное имя в истории и для этого играть большую роль в международных делах. Он убежденный антинацист и антифашист и лично ненавидит Гитлера и Муссолини. Можно поэтому не сомневаться в том, что поскольку это будет зависеть от Рузвельта и пока он останется на своем нынешнем посту, США не выйдут из войны до полного разгрома стран Оси. Он вряд ли думает вести и закончить войну совершенно бескорыстно,² и рассчитывает извлечь для своей страны максимальные выгоды. Как я в свое время сообщал, он мыслит себе эти выгоды главным образом за счет ослабления Британской империи. В этом пункте он рассчитывал одно время на сотрудничество с нами, но, не встретив с нашей стороны никакого отклика, он за последнее время несколько умерил свою антибританскую установку. Он полагал, что в отношении разрешения некоторых послевоенных проблем ему легче будет сговориться с нами, чем с Великобританией, и этим я склонен об'яснять его настоящие предложения.

25

о встрече с товарищем Сталиным. Его предварительная наметка в разрешении послевоенных задач нашла свое выражение, в прошлогодних беседах со мной, а также в совещаниях с Иденом, о которых сообщалось тов. Майским и мною. Конечно, готовых решений по всем вопросам у него нет, и на него продолжает оказываться давление со стороны руководящих лиц госдепартамента. Напомню вкратце, что он говорил о разоружении и расчленении Германии, о присоединении к Польше Восточной Пруссии, о лишении Франции, Бельгии, Голландии и Англии их колониальных владений, о предоставлении одним из этих владений немедленно, а другим через некоторое время, самостоятельности и об установлении над остальными международной опеки, и о директории четырех держав, которые должны иметь решающее слово в международных вопросах и т.д. В дальнейшем он, несомненно, будет доступен влиянию как с нашей стороны, так и со стороны Великобритании и особенно Латинско-американских стран, к голосу которых он, как и госдепартамент, чутко прислушивается.

СПА И АНГ-
ЛИЯ.

Об американо-английских отношениях приходится мало узнавать сверх того, что пишется в газетах. Госдепартамент не считает нужным делиться со мной сведениями в этой области, подчеркивая время от времени, что мы сами де не желали тройственного контакта. Может быть англичане, как союзники, менее скрытны. Известно, что было немало разногласий между Лондоном и Вашингтоном в отношении сперва Виши, затем соглашения с Дарланом, и по поводу захвата островов Сан-Пьер и Микелон. Было также немало недоразумений в области поставок по Ленд-Лизу. Мне представляется, что чем меньше мы контактируем с американцами, тем теснее они сплачиваются с англичанами.

личанами, и что отношения между ними за последние полтора года значительно и заметно улучшились, чему, конечно, немало содействовали частые встречи Черчилля с президентом, постоянные приезды представителей английского правительства и разных ведомств в Вашингтон и поездки американских представителей в Лондон. Даже в общественном мнении, в котором проскальзывало раньше немало враждебности к Англии, замечен некоторый перелом, благодаря обильной британской агитации и пропаганде.

США И КИ-
ТАЙ

Немало усилий американская дипломатия употребляет на укрепление дружественных отношений с Китаем, и в частности на ухаживание за Чан Кай-ши. Эта политика в основном определяется серьезными опасениями возможного выхода Китая из войны путем заключения сепаратного договора с Японией. Эти опасения питаются слухами, пускаемыми время от времени самими китайцами. Жена китайского посла в Лондоне Веллингтона Ку недавно выступила в Нью-Йорке с открытыми прямыми угрозами сепаратного мира. Хотя она считается особой несерьезной и даже разошедшейся со своим мужем, трудно допустить, чтобы она позволила себе такое выступление без указания свыше. Приезд и удачные выступления в США жены Чан Кай-ши значительно укрепили позиции Китая. Находящийся постоянно в Вашингтоне китайский мениндел Сун, лично пользующийся большими американскими симпатиями, оказывает непрерывное давление на президента как личным контактом, так и через посредство Тихоокеанского совета.

Представленные в этом совете государства, несомненно, ведут общую линию давления на президента в сторону усиления тихоокеанских фронтов. За исключением представи-

теля Голландии, который, естественно, заинтересован больше в борьбе против Гитлера, чем против Японии, остальные члены Тихоокеанского совета ведут непрерывную агитацию за предоставление приоритета войне против Японии. Особенно выделяется активность Австралии, которая за эти полтора года уже дважды прислала в Вашингтон своего министра иностранных дел для временно^ю замещения своего посланника. Это давление, которое поддерживается также генералом Мак-Артуром, дает несомненные результаты в смысле усиленных отправок американской авиации и предметов вооружения в Китай и живой силы плюс снаряжение на ближайшие к Австралии острова. США несомненно содержат на этом театре военных действий военноморские и воздушные силы, не соответствующие его значению, в ущерб борьбе против Гитлера и Муссолини. Недоразумения, существующие между Китаем и Англией, Америка считает нужным компенсировать увеличением своего собственного внимания к Китаю.

США И ЛА-
ТИНСКАЯ
АМЕРИКА

Наибольшее внимание американская дипломатия уделяла и уделяет отношениям с Латиноамериканскими странами и вовлечению их в общую борьбу против стран оси, и им удалось привлечь (за исключением Аргентины) все Латиноамериканские государства, из которых одни порвали отношения со странами оси, а другие об'явили им войну. США приходится за это расплачиваться поставками в эти страны, а также закупками излишков тамошнего сырья, опять таки претрача на это транспортные средства в ущерб военным и морским операциям против Гитлера.

США И ОС-
ТАЛЬНЫЕ
СТРАНЫ

Госдепартамент, и в частности сам Хэлл, проявлял раньше большой интерес к Вичи, а в настоящее время к Испании. Хэлл вменяет себе в особую заслугу, что якобы

благодаря сохранению в течение долгого времени 16. представителей в Виши и Северной Африке удалось совершить высадку в Марокко и Алжире и заключить соглашение с Дарланом. Равным образом Хэлл наивно полагает, что ему удастся удержать Франко от выступления на стороне Гитлера и Муссолини умелым ухаживанием за ним и исключением Испании из морской блокады. Со стороны либерально-радикальных кругов наиболее сильным нападкам подвергается как раз политика госдепартамента в отношении Виши, Дарлана и Франко. В области этих вопросов, несомненно, ведущую роль играл госдепартамент, соответственно обрабатывающий президента, пользуясь отсутствием у него времени внимательно относиться к таким вопросам.

Кое-какие американские подачи выпадают на долю Турции, хотя госдепартамент никаких иллюзий насчет возможности переманивания Турции на сторону Об'единенных наций не питает. Он, однако, считает достаточным сохранение Турцией скольконибудь благожелательного нейтралитета.

Не так
(Бенеш?)

Представленным в Вашингтоне безземельным ^{правительст-} ~~помощником~~ вам США уделяет мало внимания, хотя и наблюдается известная градация теплоты в этих отношениях: наилучшее отношение к наиболее реакционным правительствам, и наименьшими симпатиями пользуется правительство Бенеша. Параллельно этому, госдепартамент в лице Берле поддерживает постоянный контакт с наиболее реакционными представителями эмиграции этих стран.

РУЗВЕЛЬТ
И СССР.

Ⓟ
Ⓜ

Отношение Рузвельта к СССР по сравнению с 1933 г., когда я впервые с ним познакомился, несомненно несколько ухудшилось. Наименьшую роль тут сыграл неразрешенный вопрос о долгах, который теперь совершенно позабыт, а скорее повлияла враждебная агитация Буллита и в особен-

ности некоторые моменты нашей внешней политики. Он все же дружелюбнее относится к нам, чем кто бы то ни было из видных американцев и явно желает сотрудничать с нами. В настоящее время, несомненно, вызывает его недовольство неудовлетворение ни одной из обращенных им к нам просьб, наше явное нежелание обсуждать с ним текущие и послевоенные политические вопросы и установить постоянный контакт с ним. Вряд ли, однако, это недовольство сказывается сколько нибудь заметно на исполнении поставок по Ленд-Лизу. Мне документально известно, что в пределах данных им обещаний он активно подталкивал исполнительные органы по удовлетворению наших заявок.

США ни в малейшей мере не заинтересованы экономически или внешнеполитически в проблеме Прибалтики или в спорных между нами и Польшей пограничных вопросах. Рузвельт, учитывая предстоящую президентскую избирательную кампанию, не безразличен, однако, к голосам выходцев из Прибалтики и Польши, а также американских католиков, а потому не склонен публично поддерживать наши требования. Финских выходцев в Америке сравнительно немного, но Финляндия в течение многих лет пользовалась большими симпатиями в США. Финляндия ловко использовала репутацию якобы единственной страны, платящей Америке долги по первой мировой войне. На самом деле никакого финляндского военного долга не существовало, и Финляндия платит лишь за послевоенные поставки, Но общественное мнение Америки до сих пор находится в заблуждении по этому вопросу. Упорное игнорирование Финляндией подсказываний с американской стороны о выходе из войны и заключении сепаратного соглашения с нами несомненно подре-

зало ее популярность и интерес американцев к ней. 18.

При послевоенном решении наших споров с пограничными государствами Рузвельт не станет активно поддерживать их претензий, если он очутится перед совершившимися фактами. В противном случае Рузвельт, прислушиваясь к американскому общественному мнению, будет стараться придавать решениям хотя бы внешний вид "международной справедливости" и соответствия Атлантической хартии.

ПОЛИТИКА
США В СЛУЧАЕ
СМЕНЫ ПРЕЗИ-
ДЕНТА.

Я все время говорил о политике США при президентстве Рузвельта. Смена президента, которая может иметь место в будущем году, внесет немало изменений в эту политику. При зависимости президента от сената трудно сказать, в состоянии ли будет даже Рузвельт целиком реализовать свою политику и не постигнет ли его судьба Бильсона. На этот счет существуют в Америке лишь догадки и сомнения. Некоторые крупные политические и промышленные деятели, не стесняясь моим присутствием, спорили на эту тему и не могли придти к определенному решению относительно возможности возврата к изоляционизму. Еще труднее ответить на этот вопрос в случае смены президента. Ближайшие друзья Рузвельта, как например Голкинс и Девис, высказываются чрезвычайно оптимистически, не допуская никаких сомнений в избрании Рузвельта в четвертый раз. Как я уже сообщал, вице-президент Уоллес более трезво оценивает ситуацию и допускает провал Рузвельта. Я считаю, что еще меньше шансов на избрание имеет сам Уоллес, Мак-Натт или какой либо другой кандидат демократической партии. Из республиканских кандидатов

определенным антиизоляционистом можно считать лишь Уилки, но его шансы значительно подмочены его слишком яркими выступлениями. Он еще мечтает сколотить во время выборов промежуточную партию из республиканцев и демократов. Это вряд ли ему удастся. Другие республиканские кандидаты, губернаторы штатов Миннесота и Массачусетс, окончательно не определились и могут взять любое направление в своей политике. Вопреки своему обещанию не выставлять своей кандидатуры, может еще выплыть в последнюю минуту нью-йоркский губернатор Дьюи - явный изоляционист. Но любой президент должен будет учитывать общественное мнение, которое со-здается к концу войны, даже в тех случаях, когда он целиком с ним расходится.

СИЛА ОБЩЕ-
СТВЕННОГО
МНЕНИЯ В
США и ОБ-
РАБОТКА
ЕГО.

Значение общественного мнения в США, находящего свое выражение преимущественно в прессе и радио, колоссально и не может быть переоценено. Вот почему представленные в Вашингтоне воюющие государства не останавливаются перед тратой огромнейших средств и сил на пропаганду и обработку общественного мнения. Совершенно бешеную пропаганду ведут польское посольство и консульства и связанные с ними многочисленные польские общественные организации. По этому же пути идут и прибалтийские страны. Даже Англия, достаточно знакомая американцам, содержит в Нью-Йорке для пропагандистских целей информационное бюро в 200 человек. Наряду с послом имеется 3-4 посланника, 6 советников, 17 первых секретарей, 14 вторых и ⁶ третьих секретарей, которые главным образом занимаются раз'ездами по стране для агитации и пропаганды. Чрезвычайно отстает в этом отношении не только от английского, но и от других посольств советское,

которое имеет один единственный информационный орган (отдел печати), состоящий из 3 человек, и которое, кроме посла, не имеет ни одного человека, который мог бы самостоятельно выступать на митингах и собраниях. Между тем, общественное мнение Америки, отдавая дань восхищения героизму и успехам Красной армии, продолжает в основном в большинстве штатов оставаться крайне враждебным к СССР. Надо сказать, что госдепартамент палец о палец не ударяет для борьбы с этой враждебностью, хотя кое-что в этом отношении делается Военно-Информационным Бюро. Враждебность питается в значительной степени существующими предрассудками и ложными представлениями, вытекающими из полного невежества в отношении нашей страны. Американцы сами начинают это сознавать и пред'являют огромный спрос на раз'яснение сути и жизни Советского Союза, а этот спрос посольство и консульства могут удовлетворить лишь в минимальной степени.

РЕЗЮМЕ:

1. В президентство Рузвельта выход США из войны по инициативе президента или правительства или при их содействии немислим. В случае значительной затяжки войны без видимых шансов на победу, сенат, поддавшись агитации изоляционистов, может пытаться путем отказа в кредитах вызвать серьезный кризис, но при противодействии президента и правительства преждевременное прекращение войны мало вероятно. Такая возможность может стать реальной в случае избрания президентом изоляциониста или полуизоляциониста.

2. Без серьезного давления с нашей стороны, на открытие второго фронта в Западной Европе в близкое время рассчитывать не приходится. Не очень вероятно даже англо-американское наступление с северо-африканских баз. Если не предвидится скорой встречи тов. Сталина с Рузвельтом, то давлению должна быть придана особая форма.

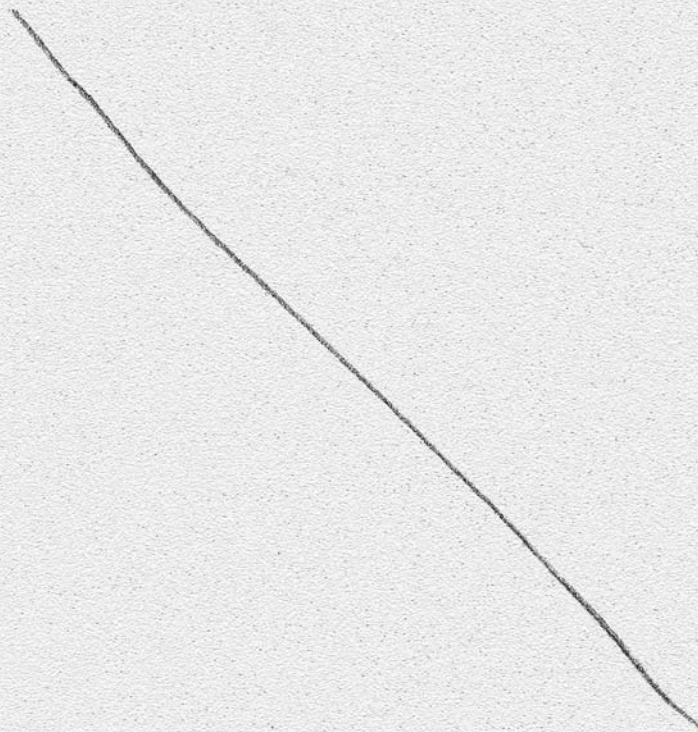
3. При фактическом разрешении нами самими вопроса о наших западных границах серьезного противодействия со стороны США ожидать не следует. Поскольку, однако, потребуются для этого содействие США, последнее будет зависеть в значительной мере от общественного мнения США.

4. В правящих кругах США имеется недовольство СССР главным образом по линии отсутствия контакта и нашей сдержанности в обсуждении послевоенных проблем. Недовольство общественного мнения Америки идет по той же линии, но оно питается также предрассудками и невежеством в отношении нашей страны.

5. Отсутствие американо-советского контакта укрепляет англо-американские взаимоотношения и усиливает нашу изоляцию.

ВЫВОДЫ:

! 5 Если мы отдаем себе отчет в роли и значении США в ходе войны против наших общих врагов, а в особенности после войны, из которой она выйдет наименее обессиленной и истощенной и наиболее могущественной в промышленном и финансовом отношениях, и если мы хотим устранить существующие недоразумения и подготовить условия для взаимного понимания и сотрудничества, то само собой напрашиваются следующие мероприятия:

А

3.

1. Создать в Вашингтоне какой нибудь орган постоянного военно-политического контакта с президентом и военным ведомством. Рузвельт в свое время предлагал создать общесоюзническую комиссию, но мы должны были это отвергнуть, поскольку имелись ввиду не только европейский и африканский, но и тихоокеанский театры военных действий. Нет, однако, по моему, оснований уклоняться от участия в американо-англо-советской комиссии для обсуждения военно-политических вопросов, вытекающих из общей борьбы с европейскими странами оси. Это отнюдь не значит обсуждать стратегические планы нашей войны с Германией. Подобные вопросы не обсуждаются и в Тихоокеанском совете. Тем не менее, члены его все же время от времени получают по крайней мере полезную информацию о ходе военных действий и по некоторым политическим проблемам и могут излагать свои пожелания и требования. В предлагаемой комиссии достаточно иметь посла и одного генерала, а если возможно то и адмирала. Создание подобной комиссии: 1) позволяло бы нам во время влиять на стратегические планы Англии и США, 2) давало бы нам полезную информацию, 3) положило бы конец жалобам и недовольству не только со стороны общественного мнения, но и правящих кругов по поводу того, что мы де единственная из Об'единенных наций, уклоняющаяся от контакта с другими и якобы преследующая какие то скрытые цели.

2. Начать в советской печати и в устных выступлениях обсуждение в дискуссионном порядке послевоенных проблем.

3. Поставить посла в условия возможно частных выступлений перед американской общественностью для раз'яснения

28
24.

нашей общей политики и отдельных ее моментов, как в настоящем, так и в прошлом.

4. Возникающие политические вопросы, поскольку они касаются не только англо-советских отношений, обсуждать одновременно с лондонским и вашингтонским правительст-
вами.

5. Укрепить информационный орган посольства не - которым количеством работников с хорошим знанием английс-
кого языка. Если таковых не имеется, то направить в по-
сольство одного или нескольких серьезных политически-
грамотных работников, которые могли бы хотя бы по русски
составлять статьи и речи и ответы на запросы для пере-
вода на английский язык. Обязательно при этом разрешить
посольству принять ~~некоторых~~ надежных американцев для
переводческой и редакторской работы.

6. Посылать в США время от времени для публичных
выступлений представителей науки и искусства, особенно
по музыке. Наиболее желательным является приезд Красно-
знаменного ансамбля. Переезд его мог бы быть совершен
на одном из наших тихоокеанских пароходов.

М. М. Литвинов
(М. М. Литвинов)

Отп. 4 э. КЧ/АП
№1 - Сталину
№2 и 3 - Молотову
№4 - дело

Лосиано
т.т. Воровкину
Михайлу
Терпи
Маминкову
Величкину
Декалову
Лосовскому
Корнейчику 326-11

Так, планируя агитационную работу в связи с 26-й годовщиной Октябрьской революции, Политбюро постановило: «В докладах и беседах, а также в областных, краевых и республиканских газетах необходимо показать, что в результате Октябрьской революции преодолена вековая отсталость России и наша страна превратилась в могущественную индустриальную и колхозную державу, способную отстоять свою свободу и независимость. Красная армия и советский народ защищают свое социалистическое отечество, защищают самый передовой строй в мире — советский строй»¹³⁴.

Западные представители обращали особое внимание на усиление славянской линии во внешней политике СССР, проявившееся, в частности, в создании Всеславянского комитета, который стал налаживать связи с другими славянскими народами. Комментируя работу его пленума в октябре 1943 г., поверенный в делах США в СССР М. Гамильтон считал, что речь идет о дрейфе советской политики в сторону «панславизма старого типа, когда Россия претендовала на лидерство в славянском мире»¹³⁵.

Британские политики, учитывавшие давний опыт отношений Великобритании с царской Россией, тоже заговорили о том, что внешняя политика СССР при И. В. Сталине «быстро возвращается к традиционным линиям давних царских дней»¹³⁶. Суммируя настроения экспертов Северного департамента Форин-офиса, ответственного за отношения с СССР, британский историк М. Фолли писал: «Они полагали, что Сталин и его политика «социализма в отдельно взятой стране» превратили Советский Союз из «революционной идеи» в национальное государство. Война ускорила изменения в Советском государстве, имеющие консервативный характер»¹³⁷. В целом, подобная трансформация советской внешней политики воспринималась на Западе как весьма позитивное явление, поскольку эта политика становилась прагматической, предсказуемой и открытой для реалистических компромиссов.

Важным процессом в рамках укрепления международных позиций СССР была его легитимация как «нормального» государства, полноценного члена международного сообщества (в ситуации войны сводившегося к Объединенным Нациям и поддерживавшим их государствам). Такие факторы, как образ государства за рубежом, характер его восприятия союзниками по антигитлеровской коалиции, имели немаловажное значение для проведения Москвой эффективной внешней политики. В американском и британском общественном мнении СССР к осени 1943 г. все явственнее представал в качестве надежного союзника в войне и даже как государство, напоминающее западные демократии. Популярный американский журнал «Кольер», в октябре 1939 г. убеждавший своих читателей в том, что «кроме как в умах неизлечимых мечтателей, никакого реального различия между коммунизмом и фашизмом не существует», в 1943 г. писал уже совсем в другом ключе. Россия, говорилось на его страницах, «эволюционирует... в сторону чего-то, напоминающего демократию, в том виде как она существует у нас и в Великобритании»¹³⁸.

Улучшению образа СССР в американском общественном мнении большое значение придавал президент США Ф. Рузвельт. В частности, он курировал работу над фильмом «Миссия в Москву» по одноименной книге близкого к нему политика Дж. Дэвиса. По мнению Управления военной информации, этот фильм «представлял русский народ очень доброжелательно. Были приложены все усилия, чтобы показать, что русские и американцы не так уж сильно отличаются друг от друга»¹³⁹.

Еще более радикальным было изменение прежних представлений об СССР в Великобритании. Лорд У. Бивербрук, сочувственно относившийся к политике сотрудничества с СССР, еще в феврале 1942 г. подчеркивал: «Когда мы вступили в союз с Россией, прошлое было забыто»¹⁴⁰. Действительно, ранее сложно было представить, что британское правительство на официальном уровне будет пышно праздновать день Красной армии (как это произошло в феврале 1943 г.) или что У. Черчилль будет поздравлять с днем рождения главу государства, которое он ранее призывал уничтожить. Хотя подобные жесты со стороны британского премьера не означали радикальных изменений в его отношении к Советскому Союзу, однако они в немалой степени отражали атмосферу союзнических отношений той поры.

В январе 1944 г. У. Черчилль писал А. Идену о «глубоких изменениях, которые происходят в характере Русского государства и правительства», и даже отмечал «новое доверие, которое зреет в наших сердцах в отношении Сталина»¹⁴¹. В обзорах британского общественного мнения за июль — август 1943 г., поступавших в министерство информации, также говорилось о восхищении военными успехами России, ее стратегией, о вере в возможности советского союзника.

Особую роль в восприятии СССР за рубежом играл вопрос об отношениях Советского государства с Русской православной церковью (РПЦ). Примирение советской власти с церковью, отмеченное исторической встречей И. В. Сталина с митрополитами Сергием, Алексием и Николаем 4 сентября 1943 г., безусловно, было связано с патриотической деятельностью церкви во время Великой Отечественной войны — ее положительное значение И. В. Сталин особо отметил во время беседы¹⁴².

Однако на этот шаг влияли и внешнеполитические соображения, а сам он, в свою очередь, имел заметные международные последствия. Нормализация отношений церкви с государством должна была продемонстрировать возросшую зрелость советской системы, укрепив благоприятный образ СССР в глазах общественного мнения стран-союзников. С образованием Совета по делам РПЦ при СНК СССР, который не случайно курировал В. М. Молотов, резко расширились международные контакты РПЦ, начиная с визита в Москву делегации Англиканской церкви во главе с архиепископом Йоркским (С. Гарбеттом) в октябре 1943 г.

Усилия советского руководства по укреплению репутации СССР за рубежом через нормализацию отношений с РПЦ не прошли даром. Воинствующий атеизм раннего советского режима был одним из главных раздражителей в его отношениях с Западом. Теперь эта «религиозная карта» выбивалась из рук антисоветской пропаганды. О британской реакции на встречу И. В. Сталина с церковными иерархами могли судить члены советской профсоюзной делегации во главе с Н. М. Шверником, посетившие Великобританию как раз в сентябре — октябре 1943 г. Начальник охраны Н. М. Шверника в последующем вспоминал: «...я был в Англии. И как раз в это время в Москве Сталин принял главу Русской православной церкви. Так вы не можете себе представить реакцию англичан на это событие! Это трудно передать. Вдруг Сталин принимает Патриарха! И если кто-то в Англии и относился с недоверием к СССР, все тут же повернулось к нам лицом»¹⁴³.

Посольство США в Москве характеризовало изменения в религиозной политике советского руководства как «беспрецедентно благоприятное отношение советского государства к церкви», которое необходимо принимать во внимание при оценке «общей ситуации» в советско-американских отношениях¹⁴⁴. Для аналитиков Госдепартамента, настроенных несколько более скептически, новая религиозная политика Москвы была частью славянской внешнеполитической линии. Эксперт по европейским проблемам Э. Дюрброу указывал в октябре 1943 г. на «возможную связь между [панславянским] движением и признанием и восстановлением Патриарха православной церкви в России. Есть основания предполагать, что среди южных славян, которые также являются православными, подавление религии [в СССР] было одним из препятствий для выражения полной симпатии советскому правительству»¹⁴⁵.

Отмеченные изменения во внешней и внутренней политике СССР были прежде всего связаны с необходимостью мобилизации и национального сплочения всей страны в борьбе со смертельным врагом. Но в то же время они служили своеобразной данью участия Советского Союза в антигитлеровской коалиции, поскольку учитывали общественное мнение и запросы его западных союзников. В целом укрепление международных позиций СССР, рост его авторитета и престижа во всем мире стали большим политическим капиталом советской внешней политики, создавая благоприятные возможности для достижения ее целей и укрепления антигитлеровской коалиции.

Вместе с тем эти процессы имели и свою теневую сторону. В военно-политических кругах Запада нарастали опасения, связанные с усилением Советского Союза и угрозой его превращения в опасного конкурента. Уже после Сталинградской битвы военные и политические эксперты США и Великобритании стали задаваться вопросами о том, насколько

Патриарх Сергей

далеко зайдет Красная армия в своем продвижении на Запад и какую цену запросит СССР за свой решающий вклад в разгром фашистской Германии¹⁴⁶. Пока эти опасения накапливались подспудно, но советская внешняя политика должна была учитывать и эту реальность.

Новая роль СССР в составе антигитлеровской коалиции ярко проявилась в ходе подготовки Московской конференции министров иностранных дел, а также Тегеранской конференции. Известно, что сам выбор мест проведения этих конференций стал предметом острого дипломатического торга между И. В. Сталиным и союзниками, которые предлагали другие, более удобные для себя варианты. Но И. В. Сталин не уступал. В посланиях Ф. Рузвельту и У. Черчиллю от 8 сентября 1943 г. он предложил местом встречи представителей трех держав назначить Москву и не собирался отступать от своего выбора. Дело было не только в соображениях престижа. Проведение конференции на своей территории давало И. В. Сталину явное преимущество перед Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в отслеживании работы конференции и воздействии на ее ход.

Что касается Тегерана, то и здесь позиция Москвы с самого начала была непреклонной, несмотря на сильное сопротивление Ф. Рузвельта, называвшего возможный срыв встречи из-за этих разногласий «трагедией». «Совпра (советское правительство. — *Прим. ред.*) не намерено отступать от намеченного ранее для встречи с Рузвельтом пункта встречи, — сообщал В. М. Молотов послу в США А. А. Громыко 12 октября 1943 г. «для личной ориентировки», — «Каир» или какой-то крейсер не могут быть приняты для этого»¹⁴⁷.

Тегеран, находившийся недалеко от границы с СССР и в котором в тот момент размещались советские войска, был гораздо удобнее для И. В. Сталина, чем для его партнеров, особенно Ф. Рузвельта, которому пришлось отправиться за 12 тыс. миль для встречи с советским лидером. Хотя то, что И. В. Сталин сумел настоять на своем выборе, говорило не

столько о его дипломатическом искусстве, сколько о новом авторитете СССР, с которым приходилось считаться его западным партнерам.

Коренной перелом в ходе войны ставил перед советской дипломатией и новые задачи. В отношении нейтральных государств задача удержания их от перехода на сторону оси сменялась необходимостью противодействия их «мирным проискам» — попыткам стать посредниками в заключении сепаратного мира СССР с Германией. Подобный зондаж с лета 1943 г. начал предприниматься японской дипломатией, а в нейтральной Швеции такие предложения поступали непосредственно от германских эмиссаров. Следуя своим союзническим обязательствам, Москва исправно информировала Вашингтон и Лондон о подобных контактах, ожидая от них такой же взаимности. Новой задачей стал отрыв от Германии ее европейских союзников: Финляндии, Болгарии, Венгрии и Румынии. Уже летом 1943 г. советская дипломатия начала прилагать большие усилия, чтобы вывести из войны Финляндию. Весной следующего года с ней было заключено перемирие на весьма шадящих для финнов условиях. Правительства Болгарии, Венгрии и Румынии, которые Москва призывала порвать с Германией пока не поздно, не решились повернуть оружие против вермахта, что впоследствии по условиям перемирий привело к размещению на их территории советских войск.

Но наиболее явно смена внешнеполитических приоритетов отразилась в развернувшейся подготовке к завершению войны и послевоенному урегулированию. Принципиальные основы советской программы послевоенного миропорядка были впервые изложены в докладе И. В. Сталина 6 ноября 1943 г. в связи с 26-й годовщиной Октябрьской революции. Она включала в себя следующие пункты: освобождение народов Европы от фашистских агрессоров и оказание им содействия в восстановлении своей государственной независимости; предоставление освобожденным народам полного права самим решать вопрос о своем государственном строе; наказание фашистских преступников за совершенные ими злодеяния; создание условий для исключения новой агрессии со стороны Германии; восстановление разрушенной оккупантами экономики на базе всестороннего сотрудничества европейских народов¹⁴⁸.

Наряду с провозглашением этих публично заявленных целей в Москве началась аналитическая проработка конкретных проблем перехода от войны к миру. Одной из площадок открытого обсуждения этой проблематики стал новый журнал «Война и рабочий класс», который начал выходить с июня 1943 г. С самых первых номеров этого издания на его страницах по инициативе М. М. Литвинова (выступавшего под псевдонимом Н. Малинин) началось обсуждение послевоенных международных проблем¹⁴⁹.

Постановлением Политбюро от 4 сентября 1943 г. при НКВД были созданы Комиссия по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства во главе с М. М. Литвиновым и Комиссия по вопросам перемирия во главе с К. Е. Ворошиловым¹⁵⁰. Несколько позднее к ним добавилась Комиссия по возмещению ущерба, нанесенного Советскому Союзу гитлеровской Германией и ее союзниками, которую возглавил И. М. Майский. Комиссии были составлены из опытных советских дипломатов и военных, которые в закрытом режиме занялись анализом поставленных перед ними проблем и выработкой практических рекомендаций по их решению. Хотя деятельность этих комиссий широко развернулась с начала 1944 г., уже в первых их разработках просматривались принципиальные черты подхода советской дипломатии к проблемам послевоенного устройства.

Основу этого подхода составлял поиск обеспечения безопасности Советского Союза в послевоенный период с учетом геополитических уроков межвоенного периода и самой войны. Великая Отечественная война с ее огромными материальными и людскими потерями, оккупацией значительной части страны, само существование которой было поставлено на карту, преисполнила советское руководство решимостью не допустить повторения подобной катастрофы в будущем. Война показала опасные бреши в обеспечении безопасности государства: проницаемость его западных границ, ограниченность выхода в Мировой океан, отсутствие надежных союзников и стратегических опорных пунктов за пределами страны, острая нехватка потенциала проецирования мощи (стратегической и транспортной авиации,

современного океанского флота), недостаточность военно-технологической базы. Грядущая победа давала уникальную возможность ослабить эти уязвимости, перевести огромные жертвы советского народа и военные успехи Красной армии в долговременное укрепление международных позиций СССР и тем самым восстановить историческую справедливость в отношении России, нарушенную в неудачных войнах предшествовавших десятилетий. Приближавшийся разгром сильнейших исторических противников России — Германии и Японии, военное доминирование Красной армии на евразийском пространстве, новый международный авторитет СССР как признанного члена победоносной антифашистской коалиции — всё это открывало редкую возможность для коренного укрепления мировых позиций СССР, обеспечения его интересов безопасности на десятилетия вперед.

Главной стратегической задачей оставалась защита огромной и уязвимой территории страны. В политическом плане это предполагало предотвращение возникновения враждебной коалиции держав, превосходящих по своей военной мощи Советский Союз. Долговременное обезвреживание Германии (а в Азии — Японии) в сочетании со скорым, как ожидалось, выводом американских войск из Европы после победы сулило благоприятный военный баланс на Европейском континенте, при котором, как отмечал в своей записке начала 1944 г. «Желательные основы послевоенного мира» И. М. Майский, «в послевоенной Европе была бы только одна могущественная сухопутная держава — СССР и только одна могущественная морская держава — Англия»¹⁵¹.

Поэтому возрождение Франции представлялось желательным «без ее бывшего военного могущества», а Италию следовало ослабить репарациями, изъятием колоний и сужением границ. «Моральный принцип наказания — он неплох на будущее время, — говорил на заседании комиссии М. М. Литвинова академик Е. В. Тарле, — ведь предстоят еще тревожные времена, и память об известном рода ущербе, который влечет за собой нападение на Россию, будет иметь воздействие даже для итальянского народа, впечатлительного, легко увлекающегося и трижды воевавшего против нас без провокаций с нашей стороны»¹⁵².

В отношении Германии среди советских экспертов еще не было единой позиции, хотя необходимость ликвидации ее военного потенциала и денацификации признавалась всеми: члены комиссии М. М. Литвинова выступали за максимально жесткое обращение с поверженной Германией, вплоть до разделения ее на несколько частей, тогда как комиссия К. Е. Ворошилова предлагала более умеренную линию, которая, в конце концов, и возобладала¹⁵³.

В геополитическом отношении главное решение проблемы безопасности виделось в наращивании глубины обороны, прежде всего на западном направлении, служившем основным коридором вражеских вторжений. С учетом опыта войны и межвоенного периода (санитарный кордон), когда большинство стран Восточной Европы служили средством изоляции СССР, а позднее присоединились к странам оси, главным способом решения этой задачи считалось сохранение западных границ 1941 г. вкуче с созданием пояса безопасности из дружественных государств, которые бы шли в фарватере советской внешней политики.

При таком варианте западные соседи СССР сохраняли свое независимое существование, хотя и входили бы в советскую сферу безопасности. В этом русле шли предложения И. М. Майского о заключении договоров о взаимопомощи с Румынией, Югославией и Болгарией и размещении советских военных баз в Финляндии, отсюда же и рекомендации комиссий М. М. Литвинова и И. М. Майского о подходе к тем или иным восточно-европейским странам. Другими словами, под дружественными государствами подразумевалось нечто вроде традиционной открытой сферы влияния, ограничиваемой внешней и военной политикой.

На Дальнем Востоке ту же задачу наращивания глубины обороны предлагалось решить за счет возвращения территорий и прав, утраченных Россией в войне с Японией или уступленных ей позднее (Южный Сахалин, Порт-Артур, порт Дальний, КВЖД и ЮМЖД), плюс Курилы. В сочетании с планировавшимся советским участием в оккупации Северного Хоккайдо это обеспечивало бы полный контроль над Охотским морем и устойчивый выход советского флота в Тихий океан.

Самым уязвимым флангом оставалась южная граница СССР в районе Закавказья с выходом на недружественные Турцию и Иран и с расположенными поблизости главными месторождениями нефти и производственными мощностями по ее переработке. Это признавала в своих оценках и разведка США, а в Москве хорошо понимали, что в случае войны район Баку станет одной из главных стратегических целей противника (о чем свидетельствовали и известные советскому правительству англо-французские планы его бомбардировок в 1940 г.). Опыт войны также показал стратегическое значение Ирана как транзитного коридора, ведущего к территории СССР. Иран, писал в той же записке И. М. Майский, «прикрывает наш Кавказ и обеспечивает нашу связь с Персидским заливом»¹⁵⁴. В этом контексте рассматривался проект создания просоветского Иранского Азербайджана на севере Ирана, продолжавший в новой форме усилия царской дипломатии рубежа XIX–XX вв. по укреплению там сферы влияния России в противовес Великобритании. Сюда же можно отнести и предпринятую позднее попытку вернуть пограничные районы Карса и Ардагана, отошедшие в 1921 г. к Турции (когда, по словам В. М. Молотова в беседе с турецким послом, СССР «был обижен в территориальном вопросе»)¹⁵⁵.

Другой важнейший урок войны состоял в необходимости обеспечения свободного выхода через Балтийское и Черное моря, которые активно использовались германским флотом против СССР. С этой целью советская дипломатия планировала получить Кёнигсберг с прилегающим к нему районом Восточной Пруссии. Большое значение придавалось и укреплению советского влияния над режимом балтийских проливов. Они, подчеркивал М. М. Литвинов в специальной записке на имя И. В. Сталина и В. М. Молотова, лежат «на линии коммуникаций между советскими портами Балтийского моря и портами СССР в Ледовитом океане, в Белом и Черном море и в Тихом океане... и имеют такое же значение для Советского Союза, как, например, Панамский канал для США... Опыт первой и второй мировых войн показывает, какой ущерб может быть нанесен Советскому Союзу при овладении господством над проливами враждебным государством и разъединении советских балтийских портов со всем остальным миром»¹⁵⁶.

Для решения этой задачи М. М. Литвинов делал основной упор на интернационализации Кильского канала и балтийских проливов, а Народный комиссариат ВМФ и соответствующий региональный отдел НКВД предлагали склонить Норвегию и Данию к соглашению о совместной обороне архипелага Шпицберген и острова Борнхольм¹⁵⁷.

По той же схеме предлагалось оказать давление на Турцию с целью обеспечения свободного прохода через черноморские проливы. В 1944–1945 гг. эксперты НКВД разработали несколько вариантов решения этой проблемы, начиная с частичного пересмотра конвенции Монтрё и заканчивая совместной советско-турецкой охраной проливов с предоставлением Советскому Союзу военно-морской базы в этой зоне (последняя идея была заимствована из разработок царского МИДа конца XIX в.)¹⁵⁸.

В целом, стратегические проекты советских планировщиков шли в русле традиционных геополитических устремлений России и при всей своей амбициозности не имели масштаба глобальной геополитической или идеологической экспансии. Эти запросы представлялись в Москве обоснованными не только стратегически, но и морально, ибо считались заслуженной долей геополитических трофеев войны, по праву причитающейся Советскому Союзу за его огромные потери и решающий вклад в разгром фашизма. По этой логике СССР, превратившийся за годы войны из международной парии в общепризнанную великую державу, по крайней мере имел не меньше прав, чем США и Великобритания, на свою сферу влияния.

Стратегическая обоснованность большей части этих геополитических запросов СССР поначалу признавалась и на Западе — как в открытой печати¹⁵⁹, так и во внутренних оценках англо-американских военных и дипломатов. Например, в специальном аналитическом докладе 1944 г. «Стратегические интересы России с точки зрения ее безопасности» эксперты высшего органа британской разведки — Объединенного разведывательного комитета — ставили себя на место советских экспертов и констатировали, что главными стратегическими приоритетами СССР должны являться: необходимость защиты огромных границ (особенно

на самом уязвимом западном направлении), ликвидация на возможно долгий период способности главных исторических врагов России — Германии и Японии к новой агрессии, обеспечение свободного выхода в Мировой океан, грандиозная задача послевоенного восстановления народного хозяйства страны.

Авторы резонно подчеркивали, что для решения этих задач СССР «будет стремиться создать такую систему безопасности за пределами своих границ, которая смогла бы, насколько это в человеческих силах, обеспечить ее мир и навсегда предотвратить угрозу ужасающих разрушений и бедствий войны, дважды испытанных ею в течение жизни одного поколения»¹⁶⁰. В целях обеспечения своей безопасности СССР пойдет «путем создания системы буферных государств вдоль своих границ, тесно связанных с Россией, и за счет ликвидации на возможно более длительный период способности Германии и Японии к агрессии. В Европе Россия будет считать Финляндию, Польшу, Чехословакию, Венгрию, Румынию, Болгарию и в меньшей степени Югославию в качестве своего защитного пояса... Она захочет преобладать в Черном море и быть в состоянии контролировать проход военных кораблей через Проливы. На Среднем Востоке она захочет контролировать Северную Персию. На Дальнем Востоке помимо приобретения Южного Сахалина и Курил она будет стремиться заполнить какую-то форму контроля над Маньчжурией и Кореей — вероятно, в духе тех привилегий, которые она имела в Маньчжурии до 1904 года, когда Россия владела Дайреном и Порт-Артуром и ведущими к ним коммуникациями»¹⁶¹.

По ряду пунктов британские эксперты предусматривали даже более обширную сферу советского влияния, чем та, на которую впоследствии реально претендовал Советский Союз. Вопреки их прогнозам Москва не пошла на захват Маньчжурии и Кореи, не стала перекрывать для Запада доступ к нефтяным ресурсам Ирана, Ирака и Саудовской Аравии или добиваться нейтрального статуса для Норвегии и Турции. Показательно, что даже столь расширенное толкование сферы советского влияния не вызывало тогда большой тревоги британской разведки. Прогнозируемая ими на послевоенный период стратегическая система Советского Союза почти не пересекалась со стратегической орбитой Британской империи, а значит, сохранялась возможность сосуществования и даже сотрудничества большой тройки после войны¹⁶².

Советские планировщики также исходили из того, что подобное расширение зоны советского влияния удастся совместить с сохранением равных отношений с Западом. Эти надежды зиждились на нескольких основных посылах. Одной из них было представление о США как о мощной и растущей, но отдаленной державе, интересы которой мало сталкиваются с интересами СССР и которая не сможет представлять реальную военную угрозу Советскому Союзу.

М. М. Литвинов, например, считал, что «отсутствуют основательные причины для серьезных и длительных конфликтов между США и СССР в какой-либо части света (за исключением, может быть, Китая)»¹⁶³. Другой важной посылкой была надежда на возможность «полюбовного разграничения сфер безопасности в Европе по принципу ближайшего соседства» с Великобританией, которая выйдет из войны резко ослабленной, столкнется с сильнейшей американской конкуренцией и будет заинтересована в стабилизации отношений с СССР. В сферу влияния Англии, по мнению М. М. Литвинова, могли войти Голландия, Бельгия, Франция, Испания, Португалия и Греция, а Норвегия, Дания, Германия, Австрия и Италия могли бы составить нейтральную зону.

Считавшийся неизбежным англо-американский антагонизм не только исключал или, по крайней мере, сильно затруднял формирование англо-американской коалиции против СССР, но и сулил советской дипломатии свободу рук и возможность использовать эти противоречия в своих интересах. Так, например, признавая огромную стратегическую важность бывших итальянских колоний в Африке для Великобритании и предвидя ее сильное сопротивление советским запросам, М. М. Литвинов рассчитывал в этом на помощь США как противника британского империализма: «Для того чтобы сбить Англию с ее позиций, нам, несомненно, потребуется сильная поддержка со стороны США». В то же время и Великобритания с ее

флотом и широкой сетью военных баз, считал И. М. Майский, «может нам понадобиться для балансирования перед лицом империалистической экспансии США».

Вырисовывался своеобразный союз трех великих держав, основанный на разграничении и взаимном признании сфер влияния друг друга. Хорошо понимая опасность раскола мира на враждующие военно-политические блоки, М. М. Литвинов и его коллеги рассчитывали избежать его как путем сохранения сотрудничества между членами большой тройки, так и за счет сохранения этих сфер влияния открытыми и ограниченными лишь сферой безопасности. Так, «полюбовный раздел» с Великобританией, по М. М. Литвинову, должен был основываться на том, что «Англия должна обязаться не вступать в какие-либо особо близкие отношения и не заключать против нашей воли каких-либо соглашений со странами, входящими в нашу сферу безопасности, и само собой не должна добиваться там военных баз, ни морских, ни воздушных. Такие же обязательства мы можем дать в отношении английской сферы безопасности». Для придачи этим сферам большего международно-правового обоснования М. М. Литвинов даже предлагал облачить их в форму «региональных секций» в рамках будущей ООН, которые бы закрепили лидирующее положение великих держав в пределах зон их региональной ответственности без ущемления независимости остальных входящих в них стран (зона США при этом должна была охватывать все Западное полушарие и большую часть Азиатско-Тихоокеанского региона).

В обеспечении послевоенной безопасности СССР, по мнению комиссий НКВД, должен был опираться прежде всего на собственные силы, сохраняя свободу действий. Как подчеркивал в сентябре 1943 г. видный дипломат Б. Е. Штейн в одном из докладов комиссии М. М. Литвинова: «В интересах Советского Союза будет сохранение полной свободы маневрирования в Европе»¹⁶⁴. Важнейшей предпосылкой этого было дальнейшее укрепление оборонного потенциала страны, прежде всего его промышленной и научной базы. Советское руководство, с его настороженностью к капиталистическому Западу и тяжелым опытом прошлого в отношениях с ним, было готово при необходимости отстаивать свои интересы и в одиночку.

Вместе с тем советские дипломаты исходили из того, что оптимальным путем достижения намеченных целей будет сохранение сотрудничества с США и Великобританией. Оно было необходимо не только для окончательного разгрома общего врага, но и для совместного обезвреживания Германии и Японии после войны. В рамках такого сотрудничества было бы легче заключать мирные договоры с сателлитами Германии, добиваться международно-правового признания послевоенных границ СССР, отстаивать дружественные правительства в соседних государствах, и хотя в Москве знали, что здесь предстоит упорный торг (особенно по Польше), согласованный раздел сфер влияния был гораздо предпочтительнее конфронтационно-силового. Кроме того, только при сохранении отношений в рамках большой тройки можно было рассчитывать на использование англо-американских противоречий, выдерживая при этом, по словам С. А. Лозовского на заседании комиссии М. М. Литвинова, «генеральную линию нашей внешней политики, не дать сложиться блоку Великобритании и США против Советского Союза»¹⁶⁵.

Наконец, сотрудничество с Западом, особенно с США, считалось обязательным для получения экономической и финансовой помощи, столь необходимой для восстановления разрушенного войной хозяйства страны. Неслучайно на встрече с главой Управления военного производства США Д. Нельсоном в октябре 1943 г. И. В. Сталин поднял вопрос о масштабных закупках американского промышленного оборудования после войны за счет долгосрочного кредита.

Даже в чувствительной области военного сотрудничества советское руководство не исключало взаимодействия с союзниками после войны. Еще во время поездки В. М. Молотова в США (май — июнь 1942 г.) И. В. Сталин поддержал рузвельтовскую идею «четырех полицейских» — создания объединенной вооруженной силы Англии, СССР, США и Китая для предотвращения агрессий в будущем. Идея новой международной организации безопасности понравилась ему. На конференции в Тегеране И. В. Сталин поставил перед Ф. Рузвельтом

вопрос о создании стратегических пунктов великих держав не только для контроля над Германией, но и над стратегически важными точками Европы, Дальнего Востока и Северной Африки. Президент поддержал эту идею, но уклонился от ее конкретизации. Возможность для дальнейшей проработки этого вопроса была упущена.

В процессе подготовки к Московской конференции советское правительство обсуждало и еще более далеко идущие идеи. Был подготовлен один интересный документ, который до сих пор не нашел освещения в исторической литературе. Речь идет о проекте послания И. В. Сталина Ф. Рузвельту и У. Черчиллю (датированном 25 сентября), в котором для обсуждения на предстоящей конференции выдвигалась идея заключения военно-политического союза большой тройки. Имелось в виду, опираясь на советско-английский договор 1942 г., заключить соглашение, предусматривавшее «еще большее укрепление нашего боевого союза в борьбе против гитлеровской Германии, а также дальнейшее развитие нашего сотрудничества в послевоенное время в интересах мира и безопасности народов». Такое соглашение, подчеркивалось в документе, «не должно быть простой декларацией, но должно быть соглашением, определяющим политические отношения между нашими странами, как в период войны, так и в послевоенный период на длительный срок». Подобная мера, говорилось в тексте, могла бы иметь «выдающееся значение»¹⁶⁶.

Послание осталось неотправленным, а сам этот вопрос на Московской конференции не поднимался. Видимо, в Москве решили, что почва для его конструктивного обсуждения еще не готова. Но сам факт обсуждения подобной идеи в советском руководстве говорит о том, что в СССР серьезно относились к развитию союзного сотрудничества и после войны, стремясь поставить его на прочную правовую основу. Однако далеко не всё в этом деле зависело от Советского Союза.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Memorandum for the President (n. d.) // National Archives (College Park, Maryland) (далее — NA), Record Group (далее — RG) 165, ABC 381(9–25–41), Sec. VII; Notes on the Letter of the Prime Minister to the President of June 20, 1942 // Ibid.

² General Ismay, for C. O. S. Committee. November 8, 1942 // Churchill Archive, Cambridge University (далее — CHAR), 20/67.

³ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. В 2-х т. М., 1983. Т. 1. С. 286.

⁴ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1946. С. 318.

⁵ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 1. С. 294.

⁶ Документы внешней политики СССР. Т. XXV. В 2-х кн. Кн. 2. Тула, 2010. С. 293.

⁷ *Ржевский О. А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии. 1941–1945 гг. М., 2004. С. 378.

⁸ Note by the Minister of Defense. December 2, 1942 // The National Archives (Kew, England) (далее — TNA), Prime Minister's Office (далее — PREM), 3/499/7.

⁹ Советско-мексиканские отношения. 1917–1980 гг. Сборник документов. М., 1981. С. 42.

¹⁰ Там же. С. 43.

¹¹ The German Military Situation. Report by the Joint Intelligence Sub-Committee. February 15, 1943; The German Military Situation. Report by the Chiefs of Staff. February 22, 1943 // TNA, Cabinet Office. Cabinet Papers (далее — CAB), 66/34.

¹² Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 1. С. 336–340.

¹³ Churchill and Roosevelt: The Complete Correspondence. Vol. 1–3. Princeton, 1984. Vol. 2. P. 43.

¹⁴ Ibid. P. 53–54.

¹⁵ *Kimball W.* Forged in War. Roosevelt, Churchill, and The Second World War. Chicago, 1997. P. 185.

¹⁶ Документы внешней политики СССР. Т. XXV. Кн. 2. С. 446–447.

¹⁷ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 7. П. 13. Д. 6. Л. 221–222.

¹⁸ *Wedemeyer A.* Wedemeyer Reports! N. Y., 1958. P. 192.

¹⁹ *Kimball W.* Forged in War. Roosevelt, Churchill, and The Second World War. P. 190.

²⁰ *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1946. С. 100.

²¹ *Wedemeyer A.* Wedemeyer Reports! P. 187.

²² Foreign Relations of the United States (далее — FRUS). Conferences at Washington, 1941–1942, and Casablanca, 1943. Washington, 1968. P. 848.

²³ For Deputy Prime Minister, Foreign Secretary and War Cabinet. January 26, 1943 // CHAR 20/128.

²⁴ For Prime Minister, n. d. // TNA, PREM 3/333/3.

²⁵ *Майский И. М.* Дневник дипломата. Лондон, 1934–1943. В 2-х кн. М., 2006–2009. Кн. 2. Ч. 2. С. 227–228.

²⁶ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1957. Т. 1. С. 93.

²⁷ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 8. Д. 64. Л. 29–30.

²⁸ Memorandum by the Foreign Secretary. February 17, 1943 // TNA, PREM 3/333/3.

- ²⁹ Василевский А. М. Дело всей жизни. 2-е изд. М., 1975. С. 322–325.
- ³⁰ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 104–105.
- ³¹ Там же. С. 110–111.
- ³² Report on War Aid Furnished by the United States to the USSR. June 22, 1941 — September 20, 1945. Washington, 1946. P. 3; Война и общество. 1941–1945 гг. В 2-х кн. Кн. 1. М., 2002. С. 351–352.
- ³³ Harrison M. The Soviet Economy and Relations with the United States and Britain, 1941–1945 // The Rise and Fall of the Grand Alliance. Ed. by A. Lane and H. Temperly. 1996. P. 74–75.
- ³⁴ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 23. Д. 182. Л. 145.
- ³⁵ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 120.
- ³⁶ Cadogan to Prime Minister. March 31, 1943 // TNA, PREM 3/354/8.
- ³⁷ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 7. Д. 57. Л. 177.
- ³⁸ From Moscow to Foreign Office. April 26, 1943 // TNA, PREM 3/354/8; Dunn C. Caught between Roosevelt and Stalin: America's Ambassadors to Moscow. Lexington, 1998. P. 185.
- ³⁹ From Moscow to Foreign Office. May 1, 1943 // TNA, FO 954/19.
- ⁴⁰ АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 385. Л. 126.
- ⁴¹ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 7. Д. 57. Л. 128.
- ⁴² Prime Minister to Foreign Secretary. May 10, 1943 // CHAR 20/128.
- ⁴³ Prime Minister to Foreign Secretary, n. d. // Ibid.
- ⁴⁴ Churchill and Roosevelt: The Complete Correspondence. Vol. 2. P. 283.
- ⁴⁵ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. М., 1984. Т. 1. С. 314–315.
- ⁴⁶ Davies to Roosevelt. May 29, 1943 // Franklin D. Roosevelt Library (Hyde Park, New York) (далее — FDRL), President's Secretary File, Joseph Davies; Davies to the President and the Secretary of State. May 27, 1943 // FRUS. The Conferences at Cairo and Teheran, 1943. Washington, 1961. P. 5.
- ⁴⁷ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 1. М., 1944. С. 90.
- ⁴⁸ Коммунист. 1991. № 7. С. 95–96.
- ⁴⁹ Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. II. После 22 июня 1941 г. М., 1997. С. 68.
- ⁵⁰ Там же. С. 72–74.
- ⁵¹ Review of Soviet Foreign Policy During 1943. February 8, 1944 // NA, RG 84, 800 Soviet Union, Box 46.
- ⁵² Prime Minister to Deputy Prime Minister. May 23, 1943 // CHAR 20/128.
- ⁵³ C. Warner to A. Kerr. May 28, 1943 // TNA, FO 800/301.
- ⁵⁴ АВП РФ. Ф. 059а. Оп. 7. П. 13. Д. 6. Л. 288–290.
- ⁵⁵ Там же. Ф. 06. Оп. 5. П. 28. Д. 327. Л. 16, 21.
- ⁵⁶ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 69–70.
- ⁵⁷ Warner to Kerr. July 8, 1943 // TNA, FO 800/301.
- ⁵⁸ From Moscow to Foreign Office. June 14, 1943 // TNA, PREM 3/333/5.
- ⁵⁹ Ibid.
- ⁶⁰ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 138.
- ⁶¹ The Diaries of Sir Alexander Cadogan, 1938–1945 / Ed. by D. Dilks. London, 1971. P. 538.
- ⁶² АВП РФ. Ф. 059а. Оп. 7. П. 13. Д. 6. Л. 295–298.
- ⁶³ From Moscow to Foreign Office. July 1, 1943 // TNA, PREM 3/333/5.
- ⁶⁴ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 22. Д. 177. Л. 29.
- ⁶⁵ Там же. П. 7. Д. 59. Л. 132–130.
- ⁶⁶ По заветам Ленина (Некоторые вопросы советской внешней политики и дипломатии). М., 1969. С. 127.
- ⁶⁷ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 3. Д. 25. Л. 265.
- ⁶⁸ Churchill W. The Second World War. Vol. 5. Closing the Ring. London, 1951. P. 259.

⁶⁹ Possible Transfer of German divisions from Russia. November 20, 1943 // NA, RG 165, Military Intelligence Division. Regional Files, 1922–1944. Union of Soviet Socialist Republics. Box 3140.

⁷⁰ Memorandum for the President. July 31, 1943 // FDRL, Map Room Files (далее — MR). Box 8.

⁷¹ Winant to the President and Secretary of State. July 26, 1943 // FRUS, 1943, Europe, Vol. II. Washington, 1964. P. 335.

⁷² АВП РФ. Ф. 059а. Оп. 7. П. 13. Д. 6. Л. 302.

⁷³ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 1. С. 410.

⁷⁴ Там же. С. 412–413.

⁷⁵ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 149.

⁷⁶ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 8. Д. 64. Л. 189–182.

⁷⁷ Text of the telegram received by Foreign Office from His Majesty's Ambassador at Moscow dated August 24 // FDRL, MR. Box 8.

⁷⁸ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 157.

⁷⁹ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 368–369, 371–372.

⁸⁰ W. M. (43) 142nd Conclusions, Minute 3, Confidential Annex. October 18, 1943 // TNA, CAB 65/40/5.

⁸¹ *Kimball W. Forged in War. Roosevelt, Churchill, and The Second World War.* P. 223.

⁸² Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 368–369, 371–372.

⁸³ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 285–286.

⁸⁴ Prime Minister to Foreign Secretary. October 18, 1943 // CHAR/20/ 148.

⁸⁵ Prime Minister for Deputy Prime Minister and Foreign Secretary. May 21, 1943 // CHAR 20/128.

⁸⁶ *The Diaries of Sir Alexander Cadogan.* P. 537.

⁸⁷ Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сб. документов. В 2-х т. М., 1983. Т. 1. С. 128–130.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ СССР и Франция в годы Второй мировой войны. М., 2006. С. 156.

⁹⁰ Органы государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны. Т. 4. Кн. 1. М., 2008. С. 418.

⁹¹ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 1. С. 398; СССР и Франция в годы Второй мировой войны. С. 222.

⁹² Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 1. С. 394–395.

⁹³ SecState to American Embassy, Moscow. June 30, 1943 // NARA, RG 84, U. S. Embassy Moscow, Classified General Records, 1940–1944. Box 18, 711. French Committee of National Liberation.

⁹⁴ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 23. Д. 183. Л. 99–96.

⁹⁵ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 138–139.

⁹⁶ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 7. Д. 59. Л. 172–171.

⁹⁷ SecState to American Embassy, Moscow. July 7, 1943 // NARA, RG 84, U. S. Embassy Moscow, Classified General Records, 1940–1944. Box 18, 711. Italy.

⁹⁸ СССР и Франция в годы Второй мировой войны. С. 151–152.

⁹⁹ Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сб. документов. Т. 1. С. 246–248, 252.

¹⁰⁰ *Голль III. де.* Военные мемуары. Единство. 1942–1946 гг. / Пер. с фр. М., 1960. С. 161.

¹⁰¹ Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сб. документов. Т. 1. С. 323.

¹⁰² АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 23. Д. 179. Л. 140–138.

- ¹⁰³ Там же. П. 22. Д. 174. Л. 102–101.
- ¹⁰⁴ Там же. Д. 177. Л. 40.
- ¹⁰⁵ Там же. П. 23. Д. 183. Л. 113.
- ¹⁰⁶ Там же. П. 6. Д. 53. Л. 235–238.
- ¹⁰⁷ Там же. Д. 52. Л. 260–257.
- ¹⁰⁸ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. Т. 1. С. 408–409, 422–423.
- ¹⁰⁹ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 6. Д. 53. Л. 230.
- ¹¹⁰ Там же. П. 23. Д. 183. Л. 126.
- ¹¹¹ История Второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12-ти т. Т. 10. М., 1979. С. 212.
- ¹¹² Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. II. После 22 июня 1941 г. С. 36.
- ¹¹³ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. М., 1946. С. 329.
- ¹¹⁴ From Moscow to Foreign Office. July 30, 1943 // TNA, PREM 3/172/1.
- ¹¹⁵ Minute from the Foreign Secretary to the Prime Minister. July 31, 1943 // Ibid.
- ¹¹⁶ Prime Minister for Foreign Secretary. August 1, 1943 // CHAR 20/129.
- ¹¹⁷ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 393.
- ¹¹⁸ Иванов Р. Ф. Сталин и союзники. 1941–1945 гг. М., 2005. С. 250.
- ¹¹⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 366. Л. 16–19.
- ¹²⁰ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 142.
- ¹²¹ For Prime Minister from Foreign Secretary. August 10, 1943 // TNA, PREM 3/172/1.
- ¹²² W. M. (43) 114th Conclusions, Minute 2. Confidential Annex. August 11, 1943 // TNA, CAB 65/39/10.
- ¹²³ From London to the Secretary of State. August 11, 1943 // TNA, PREM 3/172/1.
- ¹²⁴ W. M. (43) 114th Conclusions, Minute 2. Confidential Annex. August 11, 1943 // TNA, CAB 65/39/10.
- ¹²⁵ Memorandum for the President and Prime Minister. August 24, 1943 // FDRL, MR, Box 8.
- ¹²⁶ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца / Пер. с англ. В 2-х т. М., 1958. Т. 2. С. 362.
- ¹²⁷ Mackinder H. The Round World and the Winning of Peace / Foreign Affairs, July 1943. P. 595–605.
- ¹²⁸ JCS 506. September 18, 1943 // NA, RG 218, Geographic File, 1042–1945, CCS 337 (9–12–43), Sec. 1.
- ¹²⁹ СССР и германский вопрос. Документы из АВП РФ. Т. 1. М., 1996. С. 27.
- ¹³⁰ Майский И. М. Воспоминания советского дипломата. 1925–1945 гг. М., 1971. С. 679.
- ¹³¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1384. Л. 131.
- ¹³² Foo Y. W. Chiang Kaishek's Last Ambassador to Moscow: the Wartime Diaries of Fu Bingchang. Basingstoke, 2011. P. 94.
- ¹³³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1380. Л. 9.
- ¹³⁴ Там же. Д. 1384. Л. 130.
- ¹³⁵ FRUS, 1943, Europe, Vol. III. Washington, 1963. P. 584.
- ¹³⁶ W. P. (42) 524. November 12, 1942 // TNA, CAB 66/31/4.
- ¹³⁷ Folly M. «A Long, Slow and Painful Road»: The Anglo-American Alliance and the Issue of Co-operation with the USSR from Teheran to D-Day // Diplomacy & Statecraft. 2012. Vol. 23. No. 3. P. 477.
- ¹³⁸ Adler L. K., Paterson T. G. Red Fascism: The Merger of Nazi Germany and Soviet Russia in the American Image of Totalitarianism, 1930's — 1950's // The American History Review. 1970. Vol. 75. No. 4. P. 1050–1051.
- ¹³⁹ Bennett T. Culture, Power, and Mission to Moscow: Film and Soviet-American Relations during the World War II // The Journal of American History. 2001. No. 2. P. 506, 509.
- ¹⁴⁰ W. P. (42) 71. February 7, 1942 // TNA, CAB/66/22/1.
- ¹⁴¹ Reynolds D. From World War to Cold War: Churchill, Roosevelt, and the International History of the 1940s. Oxford, 2006. P. 119.
- ¹⁴² Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 4. Кн. 2. М., 2008. С. 315.
- ¹⁴³ Логинов В. М. Живой Сталин. Откровения главного телохранителя вождя. М., 2010. С. 80.
- ¹⁴⁴ FRUS. 1943. Vol. III. P. 863.

- ¹⁴⁵ Ibid. P. 861. No. 2.
- ¹⁴⁶ *Печатнов В. О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн. СССР и США в 1940-х гг. Документальные очерки. М., 2006. С. 212–213.
- ¹⁴⁷ АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. П. 19. Д. 150. Л. 64.
- ¹⁴⁸ Правда. 7 ноября 1943 г.
- ¹⁴⁹ *Малинин Н. О* «целях войны» // Война и рабочий класс. 1943. № 3.
- ¹⁵⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 37. Л. 108–109.
- ¹⁵¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 147. Л. 21–22.
- ¹⁵² Там же. Оп. 2. П. 8. Д. 4. Л. 110–111.
- ¹⁵³ Вторая мировая война: актуальные проблемы. М., 1995. С. 54–71.
- ¹⁵⁴ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 14. Д. 147. Л. 27.
- ¹⁵⁵ Там же. Оп. 07. П. 2. Д. 31. Л. 7.
- ¹⁵⁶ Там же. П. 17. Д. 175. Л. 162–163.
- ¹⁵⁷ Советско-норвежские отношения. 1917–1955 гг. М., 1997. С. 360, 383–386.
- ¹⁵⁸ Коренные интересы России глазами ее государственных деятелей, дипломатов, военных и публицистов. Документальная публикация. М., 2004. С. 94–96.
- ¹⁵⁹ The New York Times. May 28, 1945.
- ¹⁶⁰ Russia's Strategic Interests from the Point of View of Her Security. Joint Intelligence Committee (44) 442. October 18, 1944 // TNA, CAB 81/125.
- ¹⁶¹ Russia's Strategic Interests and Intentions from the Point of View of Her Security. Joint Intelligence Committee (44) 442. December 18, 1944 // TNA, CAB 81/126.
- ¹⁶² *Печатнов В.* Большая стратегия СССР после войны глазами британской разведки // Россия XXI. 2010. № 5.
- ¹⁶³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 07. П. 17. Д. 173. Л. 50.
- ¹⁶⁴ Там же. Ф. 0512. Оп. 4. П. 31. Д. 307. Л. 11.
- ¹⁶⁵ Там же. Ф. 07. Оп. 2. П. 8. Д. 4. Л. 51.
- ¹⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 11. Д. 263. Л. 81.